

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ВОСНЕ
И НАЯВУ

18+

Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой

Татьяна Бочарова

Во сне и наяву

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочарова Т. А.

Во сне и наяву / Т. А. Бочарова — «Эксмо», 2023 — (Детектив
сильных страстей. Романы Т. Бочаровой)

ISBN 978-5-04-184339-7

Василиса встретила Толика в интернате для детей с заболеваниями опорно-двигательного аппарата и пропала. Девочка понимала, что парень с парализованными ногами просто использует ее, но ничего не могла с собой поделать. Когда они повзрослели и покинули интернат, ничего не изменилось — Василиса по-прежнему слепо любила и была готова ради него на все. Вместе они провернули немало грязных делишек, но девушку ничего не смущало, ведь любимый рядом! Но однажды он потребовал от нее невозможного, и она поняла, что придется сделать выбор... В своих романах Татьяна Бочарова синтезирует разные жанры: это и детектив, и мелодрама, и обязательно лирическая история о человеческих чувствах и переживаниях. Ее герои — простые люди, наши с вами современники, которые волею судьбы оказались в сложной ситуации. Им предстоит сделать непростой выбор, разобраться в дебрях козней и обмана, не сломаться, выстоять, помочь не только себе, но и тем, кому необходима их помощь.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-184339-7

© Бочарова Т. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Татьяна Бочарова

Во сне и наяву

© Бочарова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Часть первая

Серая мышка

1

Я не могу с точностью назвать то время, когда стала видеть свои сны, и не только видеть, но и запоминать – детально, обстоятельно, во всех красочных подробностях. Мне казалось, так было всегда: стоило закрыть глаза, и я словно перелетала в другой мир, фантастический, неведомый, полный удивительных предметов и незнакомых людей.

В этом мире существовали свои особенные звуки, цвета и даже запахи, в нем все подчинялось определенным логичным законам, но главное – центром этого мира была я! Я, именно я являлась основным действующим лицом, вступала в контакты с незнакомцами, по-хозяйски обращалась с вещами, названий которых не знала в обыкновенной, реальной жизни.

Наша соседка по коммуналке, старуха Макаровна, которой я, за неимением других слушателей, пристрастилась рассказывать о своих удивительных сновидениях, утверждала, что причина всего – несчастный случай, произошедший со мной давным-давно, когда мне было четыре года от роду. Якобы я шла за ручку с матерью через дорогу, внезапно вырвалась и убежала вперед. Тут меня и настигла машина, выскочившая из-за поворота. Водитель успел сбавить газ, но полностью затормозить не смог – все случилось за считанные секунды. Бампер ударил мне по спине, я упала и потеряла сознание.

Далее, по словам Макаровны, меня отвезли в больницу, и мать всю ночь сидела в приемном отделении ни жива ни мертва, моля Бога, чтобы он сохранил мне жизнь. Макаровна так и говорила: «ни жива, ни мертва», а я пыталась представить себе мать, в слезах читающую молитву в темном больничном холле, – и не могла.

Перед глазами сразу вставала мрачная, нечесаная женщина, распухшая от водки, с лицом, перекошенным злостью, двойным подбородком и увесистыми кулаками, которые то и дело принимались дубасить по моей спине. Другой я мать не знала, а потому слушала прочувствованные рассказы соседки с неизменным интересом и тайной грустью.

Мне отчаянно хотелось вернуть время вспять, снова стать несмышленной малышкой, балансировать на грани жизни и смерти и знать, что за дверью близкое, любящее существо, горячо и страстно желающее моего выздоровления, принимающее мою боль как свою собственную. Увы, об этом можно было лишь мечтать...

Макаровна искренне полагала, что именно тогда, чудом уцелев, я приобрела особый дар – видеть во сне некую параллельную жизнь, которую со временем, может быть, мне предстояло прожить наяву.

Сказать по правде, я не особо верила в то, что говорила соседка. Сны мои были непонятны и диковинны, разительно отличались от того, что я, десятилетняя, вечно запуганная, полуголодная и избитая девчонка, видела в окружающей меня действительности. Невозможно было вообразить себе их исполнение, даже в отдаленном будущем.

Однако мне было приятно беседовать с Макаровной. Отчасти потому, что где-то в самом потаенном уголке души у меня все же теплилась робкая, стыдливая надежда на чудо, на то, что когда-нибудь сказка станет былью. А отчасти из-за того, что добродушная старуха была единственным моим другом, да и вообще человеком, с которым я могла хоть как-то общаться.

У родителей я была первенцем. За мной они произвели на свет троих братьев-погодков, которых планомерно сдавали в детдом, едва те обретали способность ходить. Больше мать не

беременела – очевидно, количество выпитого спиртного со временем отразилось на их с отцом репродуктивной функции.

Так или иначе, она нисколько не тосковала по отданным в приют сыновьям и жила, как с горы катилась: с утра напивалась в дым, орала, колошматила оставшуюся в доме посуду, таскала меня за волосы, а после истерически рыдала на груди у тихого, почти бессловесного отца.

Оба давно не работали, и единственным источником их доходов была я. Каждый день ни свет ни заря мать расталкивала меня и выпихивала из квартиры на улицу, неизменно напутствуя одними и теми же словами: «Смотри, гнида, не притащишь чекушку и пожрать, мозги вышибу!»

Отец грустно смотрел мне вслед большими выразительными карими глазами. Иногда я готова была поверить, что он немой, если бы не жалобные, похожие на стон, его обращения к матери.

«Лида! – протяжно и горько звал он, сидя в углу на стареньком диване и мерно раскачиваясь из стороны в сторону. – Ли-да!»

«Да что тебе? – надсадным криком отзывалась мать, тряся спутанными пегими волосами. – Что, ирод?»

Отец никогда не отвечал, продолжая стонать, тихо и беспомощно. В такие моменты он напоминал мне больного бездомного пса, живущего у нас во дворе за бойлерной будкой.

Отца я не боялась, зато мать наводила на меня настоящий ужас. Я вылетала из дому, не пикнув, накинута на себя что оказывалось под рукой, а иногда и просто в том, в чем была.

Поиск средств на «чекушку и жратву» занимал почти целый день. Я слонялась по улицам, ежась от холода, и пристально изучала прохожих. Выбрав тех, кто, на мой взгляд, выглядел подобнее, я подсакивала к ним и начинала канючить, тоненько и жалостно:

– Тетенька, дяденька, сделайте милость, помогите, чем сможете. Папка нас бросил, мамка в больнице с сердцем, а у сестренки ноги не ходят.

Почему и когда я задолбила эту расхожую нищенскую тираду – не помню. Возможно, так говорить научила меня все та же Макаровна, которая искренне сочувствовала моей нелегкой жизни и пыталась по-своему помочь чем могла. А может быть, я почерпнула ее из лексикона таких же малолетних бродяжек, которых предостаточно болталось по нашему району.

Во всяком случае, на людей моя просьба действовала, хоть и не всегда. Порой приходилось ждать часами, пока какая-нибудь сердобольная старушка или приличного вида мужчина средних лет останавливались передо мной, лезли в карман, доставали оттуда бумажник и со смесью жалости и брезгливости на лице протягивали несколько металлических рублей, а то и мятую, загнутую с углов десятку.

В разговоры почти никто из них не вступал, отдав деньги, люди предпочитали побыстрее исчезнуть, не оглядываясь. Лишь однажды симпатичная, розовощекая девушка со скрипичным футляром за плечом поинтересовалась, чем болеет моя сестренка и нельзя ли ее вылечить. Я ответила, что нельзя, это у нее с рождения, и поспешила смыться подобру-поздорову. На этом все и закончилось.

В какие-то дни набиралась значительная сумма. Я отправлялась в ближайший магазин, где меня отлично знали все продавщицы. Они и снабжали нехитрой закуской и поллитровкой, благополучно нарушая закон, запрещающий продавать спиртное несовершеннолетним.

Свои покупки я тащила домой и отдавала матери. Та моментально вырывала бутылку у меня из рук, а еду великодушно делила на три неравные части. Меньшая, разумеется, предназначалась мне, но я бывала рада и этому: в иные, менее удачные дни единственной наградой за мое попрошайничество становилась сухая вчерашняя горбушка и провонявший кусок ливерной колбасы.

Хуже всего обстояло дело, когда не удавалось собрать денег на водку. Тогда я получала по полной программе: мать, мучимая похмельем, зверела и окончательно теряла человеческий облик. В ход шло все, что попадалось под руку, – от отцовского солдатского ремня до скалки и сковородок.

Единственным спасением было выскользнуть из комнаты и спрятаться у Макаровны, которая, кстати, боялась мою мать ничуть не меньше, чем я. Вдвоем мы сидели, закрывшись на щеколду, и тряслись, пока мать бушевала в коридоре, грозясь превратить нас обеих в мокрое место.

Если бы ей удалось вышибить плотную дубовую дверь и проникнуть в жилище Макаровны, вероятно, она бы привела свои угрозы в исполнение. Но запала ее хватало ненадолго. Вскоре шум по ту сторону «баррикад» стихал, и мать, уставшая от бурных проявлений эмоций, отключалась до утра.

Всякий раз после этого старуха крестилась и клятвенно обещала снести заявление в милицию и в органы опеки, дабы «спасти дитя от такой изуверки» и не погибнуть самой. Но... наступал следующий день, и все шло как прежде: Макаровна оставалась дома перед стареньким рябящим телевизором, я отправлялась на промыслы, и никто не беспокоил органы жалобами и заявлениями.

Лишь потом, много лет спустя, уже став взрослой, я узнала, что существовала причина, по которой Макаровна опасалась затевать тяжбу с моей матерью. Дело в том, что родная сестра ее ближайшей подруги и собутыльницы, тетки Нюры, работала в районной управе и занимала там довольно солидный пост. Ее власти хватало на то, чтобы опекунский совет стойко отказывался рассматривать дело о лишении моих матери и отца родительских прав, хотя сигналы об их, мягко говоря, недостойном поведении поступали в управу регулярно.

Так я и существовала, и чем дальше, тем больше мне казалось, что окружающая меня убогая и серая повседневность – всего лишь сон, длительный, тяжкий и безрадостный, в то время как красивые, яркие ночные и есть моя настоящая жизнь.

2

Тот день я помню столь же отчетливо и ярко, как если бы он был лишь вчера и не прошло с тех пор без малого десять лет.

Накануне мне крупно не повезло: с утра до вечера лил противный ноябрьский дождь, улицы словно вымерли, и на них не было ни души.

Я без толку шаталась по лужам до самой крошечной тьмы и под конец вынуждена была вернуться домой несолоно хлебавши, дрожащая от страха и мокрая до нитки.

Дверь открыла мать. Моя бледная зареванная физиономия говорила сама за себя: мать моментально раскусила, что дело – табак. Лицо ее исказилось от ярости, и не успела я шевельнуться, как цепкие, железные пальцы ухватили мой локоть.

– Ах ты, тварь! Гадина паршивая! Снова пустая? Ну, говори же, говори, дура, я напрасно ждала все это время? Да?! Отвечай!! – Она с силой потрянула меня за плечи, раз, другой, и еще, еще.

Я молчала, стискивая зубы, стараясь не всхлипывать – это разозлило бы мать еще больше, и она стала бы колотить меня головой о бетонную стену прихожей. Так уже бывало, и неоднократно.

– Тварь, тварь! – в исступлении повторяла мать. – Снова, вместо того чтобы делом заниматься, отсиживалась в подъезде?! Не вздумай врать, я тебя насквозь вижу, гадину шелудивую!

Она потащила меня в комнату. Я не сопротивлялась, чувствуя себя в самом деле страшно виноватой: материны упреки не были голословными. Я действительно в течение дня пару раз

отыскивала подъезды, где еще не установили домофоны, и там отогревалась, присев на корточки перед радиатором.

Из соседней крошечной комнатки выглянул отец. При виде встрепанной, багровой от гнева матери и меня, жалкой и трясущейся, красивое, правильное его лицо исказила гримаса страдания.

– Лида, – произнес он, с усилием шевеля губами, – не надо, оставь.

Но мать не слышала и не видела его. Она выволокла меня из коридора и швырнула на середину десятиметровой комнаты, служившей нам гостиной и столовой одновременно. При этом подол ее халата зацепился за гвоздь, торчащий из стола.

Угрожающе затрещала тонкая материя, звонким горохом посыпались на паркет круглые блестящие пуговицы. В прорехе белело голое тело.

– Убью, паскуда! – яростно крикнула мать, пнув стоящий на дороге стул. Тот сложился пополам, деревянное сиденье отделилось от ножек. Миг – и оно оказалось в руках у матери.

– Убью! – повторила она в исступлении, поднимая деревяшку над моей головой.

Я успела пригнуться, сиденье с размаху опустилось мне на спину, так, что в ней звучно хрустнуло. Сразу же перехватило дыхание, перед глазами поплыли зеленоватые круги.

Мать ударила снова, потом еще. Остатками бокового зрения я заметила отца: тот бледной тенью маячил возле двери, бормоча что-то невразумительное, и, по своему обыкновению, раскачивался из стороны в сторону.

Потом вдруг я перестала чувствовать боль. Голос матери, гремевший над самым моим ухом, стал тоньше, отдалился, а после и вовсе пропал. Мгновение я различала перед собой лишь темноту, густую, полную и как бы обволакивающую.

Затем сознание вернулось. Я ощутила резкий свет – в глаза мне била висящая под потолком лампочка без абажура. Я лежала на полу, скрючившись, прикрыв руками голову. Удары больше не сыпались на меня, однако мать находилась где-то рядом – я отчетливо чувствовала крепкий, душный запах, шедший от ее разгоряченного немытого тела.

Поблизости плачущий, дрожащий голос увещевал нараспев:

– Опомнись, Лидия! Побойся Бога! Угроишь ребенка, остановись, прошу тебя.

Это была Макаровна. Я слегка подняла голову и увидела ее – она стояла напротив матери, судорожно прижимая обе ладони к тощей груди. Лицо ее было мокрым от слез, губы тряслись.

Мать кинула на соседку беглый малоосмысленный взгляд и произнесла длинное грязное ругательство. Старуха вздрогнула и перекрестилась.

– Господь с тобой, Лидия. Посмотри, в кого ты превратилась – суцая ведьма. Все водка, будь она неладна.

– Заткни хлебало, – равнодушно и зло бросила мать и поудобней перехватила сиденье от стула.

– Беги, дочка, – пискнула Макаровна, протискивая свое худенькое, тщедушное тельце между мной и матерью. – Беги, Василисушка...

Она не договорила – деревяшка попала ей по плечу. Макаровна пошатнулась, но не двинулась с места, только широко хлебнула воздух перекошенным ртом.

В эту секунду я, сделав неслышанное усилие, вскочила на ноги и вылетела из комнаты. За спиной слышались крики и шум, но я не оборачивалась. Точно мышь в нору, нырнула в угловую комнатенку Макаровны и громко щелкнула задвижкой.

Я была уверена, что мать убьет старуху, так самоотверженно за меня заступившуюся. Вскоре за дверью стало тихо. Я стояла, прислонившись к стене, оклеенной темно-зелеными, в голубой цветочек, обоями, и обмирала от ужаса. В моем воображении Макаровна уже рисовалась лежащая в гробу со спокойным, умиротворенным лицом и свечкой в изголовье – такой я видела бабушку, отцову мать, на похоронах в прошлом году.

Вдруг в коридоре послышались шаги, и ласковый голос произнес в замочную скважину:

– Открывай, дочка, это я.

На всякий случай я помедлила. Меня терзало подозрение, что Макаровна вернулась не по доброй воле, за ее спиной стоит неумолимая, грозная мать, она только и ждет, когда я выйду из своего укрытия.

– Василиса! – снова окликнула старуха. – Чего ты там? Живая? – В ее голосе слышалась тревога.

– Живая, – выдохнула я в дверную щелку. – А... ты одна?

– Одна, одна, – мягко проговорила Макаровна, – не бойся, пусти меня.

Я отодвинула щеколду. Старуха стояла передо мной и силилась улыбнуться. Получалось это у нее с трудом – правая щека и глаз Макаровны распухли и были ярко-багрового цвета.

Я поискала глазами у нее за спиной. Старуха поймала мой взгляд и утешительно произнесла:

– Говорю же, не бойся. Спит она. Была у меня заначка, так я ей того... снесла, чтоб, значит, утихомирилась. Чего ж... не пропадать же тебе, девонька. – Она протянула корявую старческую руку и погладила мои волосы.

Тут только я поняла, что старуха, пытаясь образумить мать, не просто прижимала руки к груди, а прятала за пазухой вожделенную поллитровку.

Макаровна зашла в комнату, и мы на всякий случай заперлись вновь. Старуха хотела было накормить меня холодной вареной картошкой, оставшейся у нее с ужина, но я не могла есть. Голова моя клонилась, в глазах, как давеча, плавала муторная зелень.

Ко всему прочему начался отвратительный, выматывающий душу озноб. Макаровна потрогала мой лоб, покачала головой и, ни слова не говоря, принялась вытаскивать из-за шкафа потрепанную раскладушку.

Через полчаса я уже лежала на боку, поджав под себя ноги, укрытая теплым цветастым стеганым одеялом, но все равно было холодно. Тупо ныла спина, будто туда засунули гвоздь, в ушах мерно и громко звенело.

В углу Макаровна, так и не решившись выйти на кухню, кипятила на плитке чайник.

Всю ночь я пробыла в полубреду, постоянно вскидываясь на раскладушке, вскрикивая и пытаясь сбросить у себя со лба прохладную ладонь Макаровны.

Утром в дверь постучали.

– Эй, Васька, выходи!

Услышав голос матери, я сжалась в комок и притаилась под одеялом. Мне хотелось стать невидимой или вообще исчезнуть. Я скороговоркой произнесла про себя молитву, которой выучила меня набожная Макаровна, но та не помогла: мое тело по-прежнему оставалось на раскладушке, и я отчетливо видела свои тощие руки и ноги, спрятанные под одеялом.

– Эй! – громче повторила мать. – Оглохла, что ли? Или дрейфишь? – Она хрипло рассмеялась и произнесла чуть мягче: – Не бойсь, я тебя прощаю. Но помни, это в последний раз. Сегодня вернешься ни с чем – дух вышибу, даже не сомневайся.

Макаровна тяжело вздохнула, сосредоточенно разглядывая в зеркале фиолетовый кровоподтек.

– Иди, что ли, детка, – не оборачиваясь, сквозь зубы, выдавила она, – чем раньше, тем оно и лучше. Все одно придется выходить. Ты все горишь али прошло?

Я пожала плечами и спустила ноги на домотканый пестрый половичок. Озноб, кажется, прошел, а вот спина болела еще сильнее, чем накануне. Даже показалось, что я не смогу встать.

Однако мать продолжала настойчиво призывать меня из-за двери. Повинуясь ее зычному суровому голосу, я поднялась с раскладушки и нацепила на себя нехитрую одежду.

Старуха молча протянула мне сморщенное зеленое яблоко. Я тут же почувствовала спазм в желудке и отрицательно замотала головой.

– Не будешь? – Макаровна понимающе кивнула. – Ну как знаешь. – Она подумала немного и прибавила, без особой, впрочем, уверенности: – Сбежать бы тебе, девка. Да куда сбежишь-то? Кругом одни выродки да злодеи лютые, попадешь к ним в руки, пожалеешь, что на свет появилась.

Я знала, что она права. Как-то я уже пробовала уйти из дому, ночевала на вокзале и продержалась два дня. Там, в зале ожидания, где я устраивалась на ночлег, существовала своя мафия таких же беспризорных детишек. Они были сплошь зубастые, искушенные, опасно сплоченные между собой. Условием, благодаря которому можно было стать своим в этой волчьей стае, являлось все то же попрошайничество. Требовалось собирать милостыню на определенном, закрепленном за тобой участке и сдавать ее в общак, пахану. Наказания за неповиновение и проступки были ничуть не менее жестокими, чем у матери.

Я поняла, что меняю шило на мыло, с той лишь разницей, что на вокзале не было доброй, ласковой Макаровны. Зато там имелся неприятный, неопределенного возраста дядечка с масляными глазками и крючковатым носом. Он подошел в первый же день, едва я, отыскав в зале ожидания свободное кресло, уселась, наклонился к самому моему лицу и начал шептать отвратительные, тошнотворные гадости, из которых я почти ничего не поняла, но меня сразу охватил леденящий ужас.

Короче, я вернулась домой и больше о бегстве не помышляла. Не хотела я и в детдом – братишки в те редкие минуты, когда мать выбиралась навестить их и прихватывала меня с собой, рассказывали всякие страсти про тамошние порядки.

Одним словом, никакого особого выбора у меня не было, точно как в сказке: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – смерть свою найдешь...

Макаровна больше ничего не говорила, положив яблоко на комод, она осторожно прикладывала к синяку мокрое полотенце.

Я боком прошла мимо нее, отодвинула защелку и выглянула в коридор. Мать была тут как тут, умытая и даже причесанная: разноцветные клочковатые пряди спадали ей на плечи.

– Не уважаешь родителей, – сказала она мне беззлобно, – к тебе по-человечески, со всей душой, видишь ведь, бодем мы с отцом. Не бросили тебя, растим, в необходимом себе отказываем. А ты... – Мать безнадежно махнула рукой. От нее несло перегаром – видно, она только что приложилась к бутылке, дарованной ей Макаровной, а потому пребывала в миролюбивом настроении. – Все, Васька, заканчивай прохладиться, топай на заработки. И не забывай, что я тебе сказала, чуешь?

Я послушно кивнула. Как забыть ее обещание вышибить из меня дух!

Мать стащила с вешалки мою куртку:

– Оденся. Сегодня прохладно.

Ее нарочитая заботливость почему-то вселяла в меня еще больший страх, чем грубые окрики. Я поспешно сунула руки в рукава. Куртка была мокрой насквозь – за ночь она так и не успела высохнуть. Пальцы сразу заледенели, спину заломило с новой силой.

Я вышла из квартиры, спустилась по лестнице, распахнула дверь подъезда и остолбенела.

Магушки! Оказывается, ночью выпал снег. И мороз будь здоров – нос и щеки будто огнем обожгло, в рукава и за шиворот рванулся ледяной ветер. Надо же, за каких-то несколько часов так изменилась погода!

Поначалу нежданная стужа даже как-то освежила меня: звон в ушах прекратился, рассеялась рябь перед глазами, перестала трещать голова. Но это лишь поначалу.

Минут через десять я ясно почувствовала, что долго так не прохожу. Мокрая куртка на глазах покрывалась изморозью, ноги в легких ботинках свело до судорог, кожу на лице щипало, точно ее натерли луком.

Подгоняемая холодом и отчаянием, я стала кидаться ко всем, кого видела вокруг себя:

– Дяденька, тетенька, сделайте милость, помогите чем сможете...

Никто не останавливался. словно по заклятию недоброй волшебной палочки, они проходили мимо, бросая на меня косые, неприязненные взгляды.

меня уже откровенно колотило, ступни ног саднило, от тяжести в позвоночнике хотелось согнуться и просто лечь на обледенелую, покрытую сухими крупинками снега землю.

Наверное, прошло совсем немного времени, но мне казалось, что я вечно брожу так, скорчившись под колючими порывами ветра, в куртке, покрытой льдом, как глазированный сырок шоколадом, и механически, машинально повторяю одну и ту же фразу:

– Дяденька, тетенька...

...Она вынырнула на меня из-за угла старого кирпичного дома – в черном каракулевом пальто, красивой кожаной шляпке, кокетливо надвинутой на лоб. На локте висела изящная черная сумочка. За ней, держась за руку, семенил краснощекий сопливый пацаненок лет шести-семи, сжимая в рукавице крошечный коричневый скрипичный футляр.

Почему-то я сразу вспомнила ту милую румяную девушку со скрипкой, и мне стало уютно и спокойно.

Конечно, все будет хорошо. Эта женщина послана мне судьбой, чтобы спасти от холода и невыносимой боли. Ее сынишка занимается музыкой, она не может быть черствой и равнодушной, пожалеет меня, откроет свою восхитительную сумочку, достанет оттуда бумажник...

– Тетенька! – Я постаралась вложить в это обращение как можно больше обаяния и нежности, но голос предательски задрожал и сорвался: – Пожалуйста, помогите!

Не знаю, почему я отступила от шаблона – может быть, в ту минуту я просила не милостыню, а молила пощады себе, готовая броситься на колени перед незнакомкой, целовать ее руки в черных кожаных перчатках и даже ноги в не менее прекрасных кожаных сапожках.

Она казалась мне доброй феей, от нее вкусно и сладко пахло духами и мандаринами, а мальчонка под ее боком был похож на пухлого ангела.

Женщина остановилась. Густо подведенные глаза слегка прищурились, красные губки сложились бантиком.

– Чего тебе, девочка?

У нее был чудесный мелодичный и звонкий голос. Вот такой бы моей матери! И еще чистую розовую кожу, без единой морщинки, ровную и шелковистую, как атласная ткань.

– Помогите, чем сможете, – пролепетала я, начисто позабыв про бросившего нас папку, лежащую с сердцем мамку и безногую сестренку.

Женщина ничего не ответила, однако миловидное лицо тут же нахмурилось. Она почему-то оглянулась, проворно стянула с руки перчатку и резко рванула «молнию» на сумочке.

Я с трепетом ждала, когда покажется на свет кошелек, но он все не появлялся. Незнакомка нервно рылась в недрах сумочки, и лицо ее из розового на глазах превращалось в пунцовое.

Наконец она судорожным движением вывернула сумочку почти наизнанку, глянула на ее содержимое, едва не посыпавшееся в снег, и произнесла тихо и замороженно:

– Украли.

Я не сразу поняла, о чем она говорит. Потом сердце сжалось от боли: у нее, у моей феи, украли кошелек! Последнюю надежду, единственный шанс спастись от пронизывающей, лютой стужи.

У меня перехватило дыхание.

Дальнейшее напоминало кошмарный сон. Дама пару секунд тупо глядела на сумку, потом лицо ее странно сморщилось, мгновенно превратив его обладательницу из феи в старуху.

– Это ты, – шипящим шепотом проговорила женщина, делая шаг в мою сторону. – Это ты!

– Что? – не поняла я, но почему-то сразу же попятилась назад. Мальчишка с футляром начал противно и громко хлопать носом.

– Что?! – хрипло вскрикнула фея. – Ты говоришь «что»? Воришка, мерзавка, побирушка! Она выговаривала оскорбительные слова четко и хлестко, словно стихи читала, и казалось, каждое слово, отлетая от ее губ, ударяет мне в лицо.

– Воришка, мразь! – Голос феи утратил хрипоту и звучал мелодично и звонко, как прежде, даже чересчур. На нас стали оборачиваться люди.

– В чем дело, гражданка? – поинтересовался пожилой усатый мужчина в стеганой кепке. – Зачем так много шума?

– Здесь орудует банда малолеток, – громко посетовала женщина. – Только что я встретила в булочной ватагу мальчишек. Они вытащили у меня из сумочки кошелек. Боже мой, муж только сегодня утром снял с книжки деньги! – Она в отчаянии прижала ко лбу узкую изящную ладонь, а потом посмотрела на меня с ненавистью. – Это наводчица, она нарочно тут, изображает из себя сироту казанскую, а сама с ними заодно...

– Чего ж вы стоите? – оживился усатый. – В милицию ее надо. Тут рядом, на соседней улице, патруль ходит.

– Патруль? – Женщина глянула на усатого с интересом.

– Да. Подъедете в отделение, составите протокол. Глядишь, она, пакостница, сдаст своих дружков. Вот и кошелек вернется. Да вы крикните погромче, ребята услышат – я их только что видел, вон за тем магазином.

Каракулевая фея с готовностью открыла рот, но я не стала дожидаться, пока она издаст хотя бы один звук – рванулась и побежала, скользя по покрытым корочкой льда лужам. Дальше, дальше, сломя голову, зажав ладонями уши.

Крик я все равно услышала, пронзительный и громкий:

– Держите вора-а!

Кричало несколько человек, нестройным, разноголосым хором. А я неслась как угорелая, хотя точно знала, что не брала проклятый кошелек у злой феи. В тот момент я согласна была умереть от холода или материных побоев, но только чтобы меня не настигли, не поймали, не заклеямили страшным, жутким словом «вор».

Позади загрохотали тяжелые шаги.

– Стой!

Голос был новый, он не принадлежал ни одному из тех, кто орал «Держите вора!», грубоватый и молодой.

– Стой, тебе говорят!

Я помчалась еще быстрее, хотя это уже было невозможно. Грохот за спиной стремительно приближался. Я почувствовала, что задыхаюсь, позвоночник прошила острая боль.

– Да куда ты несешься, дура! – Сзади на мое плечо опустилась чья-то каменная ладонь. Ноги тут же обмякли, сделались ватными, а перед глазами, как накануне, стало стремительно чернеть.

– Эй, не валяй дурака! – строго сказал голос в самое мое ухо, но обладателя его я не успела рассмотреть, проваливаясь в темноту все глубже, словно в бездонный колодец. – Эй!

Меня слегка потрянуло, мрак сразу рассеялся. Затем я почувствовала, как ноги отрываются от земли. Кто-то держал меня на руках, моя щека прижималась к шершавой, крепко пахнущей табаком материи.

– Елки зеленые, да ты ж мокрая насквозь! – Тон у преследователя стал мягче, участливее. Я слегка приподняла ресницы и увидела прямо перед собой круглое курносое веснушчатое лицо. Серые глаза в коротких ресницах смотрели на меня с недоумением и тревогой.

– Малая, у тебя родичи-то есть? – Парень осторожно вернул меня в вертикальное положение, на всякий случай поддерживая за плечи, опасаясь, видно, чтобы я не рухнула вниз носом.

– Есть. – Я не узнала своего голоса, до того он был писклявым и тоненьким.

– Кто, мамка или папка?

– Оба.

– Что ж они, гады, отпускают тебя на улицу в такую стужу, почитай, голышом? Или врешь? – Парень глянул на меня с подозрением и нахмурил рыжеватые брови.

– Не вру.

– Ты кошелек у гражданки свистнула? – вдруг совершенно беззлобно спросил он. – Скажи, не бойся, ничего не будет, я обещаю.

Я отчаянно замотала головой и шмыгнула носом.

– Ну ладно, ладно, – парень поспешно кивнул, – не реви, верю. А чего тогда ты к ней приставала?

– Х-хотела п-попросить, чтобы она мне... денег дала. – Зубы мои помимо воли начали выбивать дробь. – Чуть-чуть...

– Вот чудачка. – Парень хмыкнул. – Зачем это тебе вдруг деньги понадобились?

Я молчала, глядя под ноги, и тряслась на продувном ветру. Парень, кажется, смекнул, в чем дело, во всяком случае, понимающе покачал головой.

– Квасят, что ли, твои предки? – И так как ответа не последовало, подтвердил: – Понятное дело, квасят. А то бы ты здесь не шастала в такой куртенке. – Он задумчиво потеревил пальцами по-детски пухлую нижнюю губу. – Ну и что с тобой делать теперь? А?

Я растерянно пожала плечами.

– Бледная ты, аж жуть. – Парень моргнул белесыми ресницами. – Замерзла или болит что-нибудь?

– Болит, – шепотом проговорила я.

– Живот?

– Спина.

– Спина – это серьезно, – авторитетно произнес парень. – Ты вот что, слушай сюда. Давай я тебя в отделение отведу. Там есть инспекторша специальная, для несовершеннолетних. Пусть она тобой займется, если надо – в больницу отправит. Давай, а?

Я подумала: лучше бы он дал мне тридцатку и отпустил восвояси. Тогда можно было бы вернуться домой, и мать не стала бы меня колотить, а дала горячего чая и сосиску с капустой.

Однако вслух озвучить свои мысли я не решилась и по-прежнему тупо молчала.

– Ну чего ты артачишься? – принялся уговаривать меня парень. – Хреново же тебе дома, ведь так? Ну вот, а там тебе помогут, накормят, вещи теплые выдадут.

«Там» могло означать только одно – в детдоме. В самом деле, куда еще могли направить из детприемника, куда так соблазнительно звал меня веснушчатый спаситель?

Я потихоньку отодвинулась от парня, сначала на полшага, потом еще.

– Вот дуреха, – рассердился тот. – Ты ж замерзнешь намертво. Топай тогда домой, я провожу.

– Нет.

– А ты, гляжу, упрямая. – Он внезапно усмехнулся. – Зовут-то как?

– Василиса.

– А меня Валерка. Дембель я, вчера только уволился. Вот к мамаше спешил, да ты тут вклинилась. Смотрю, скачет, как угорелый заяц, и все по лужам. А ботинки-то... – Парень выразительно присвистнул и махнул рукой. Помолчал немного, потом решительно сжал мою заочневшую ладонь. – Хватит дурить, малая. Надо идти. Ты сама прекрасно понимаешь, нельзя тебе так. В следующий раз побежишь – мигом спапают и разбираться не будут, виновата или нет. В лучшем случае в обезьянник свезут, в худшем – морду набьют. А в тебе и так душа еле держится.

Я слушала его негромкую убедительную речь и чувствовала, как невыносимо, нестерпимо ноет спина. Пожалуй, он прав, этот рыженький сероглазый солдатик, – деваться мне

некуда. Да, кажется, я и пары шагов не смогу сделать самостоятельно. Ну не помирать же, ей-богу.

– Что, уговорил? – Парень улыбнулся. – Вот и умница. Да не опасайся ты так, что уж кругом, звери одни сидят? Помогут тебе, вот увидишь. Раз с родителями не повезло, нужно самой на ноги вставать, как еще быть-то? Топать можешь или понести тебя?

– Сама пойду, – выдавила я, с трудом разжимая пересохшие, потрескавшиеся губы.

– Ну и айда. – Он секунду колебался, затем расстегнул солдатский ватник и набросил мне на плечи поперх куртки.

3

– Имя, фамилия! – Смуглая тетка с черными усиками над верхней губой и курчавой, как у овцы, шевелюрой, склонилась над разграфленным листком, хищно нацелив в него блестящую авторучку.

– Демина Василиса.

– Громче, не слышу! – рявкнула усатая.

Я стояла перед полированным письменным столом и молча смотрела на темные колечки волос у нее надо лбом.

Инспекторша подняла усталое желтоватое лицо и близоруко прищурилась.

– Повтори погромче. Ты очень тихо говоришь, я не расслышала. Запишу неправильно, потом будет морока.

– Пусть она сядет, – мягко попросил Валера. – У нее спина болит.

– Садись, – усатая кивнула на желтый обшарпанный стул. – Голова не кружится?

– Кружится.

– Сейчас придет врач. Я уже позвонила. Так ты мне скажешь свое имя и фамилию?

– Демина Василиса, – повторила я, изо всех сил стараясь придать голосу звучность.

– Лет сколько?

– Десять.

– С кем живешь? Мать, отец есть?

– Да.

– Диктуй, как их зовут.

– Демина Лидия Дмитриевна, Демин Андрей Иванович.

– Адрес.

– Флотская, дом семнадцать, квартира сорок.

– Телефон есть?

– Есть, но он не работает.

– Ясно, – кивнула тетка, – отключили за неуплату. Ладно. Посиди пока, я скоро вернусь.

Она встала и вышла из маленького тесного кабинета. Я растерянно оглянулась на Валеру, стоящего в дверях. Тот ободряюще подмигнул.

– Все нормально, сестренка. Я завтра приду сюда, проверю, чтоб никто не обидел. А спину береги, тебе детей рожать. Я серьезно говорю. – Он снова улыбнулся, глядя на мою мигом сморщившуюся физиономию.

В углу на стене, выкрашенной коричневой краской, громко тикали большие круглые часы. Рядом висело несколько застекленных стендов с листами, исписанными мелким разноцветным шрифтом. На широком грязноватом подоконнике сидели в горшках крупный кактус и чахлая, полусохшая фиалка.

При виде них я почему-то вспомнила Макаровну, хотя у нее в комнате не было никаких цветов.

Как-то она будет без меня? Небось станет скучать – у нее же из родни никого. Я прерывисто вздохнула и тут же сжалась от боли, прошившей позвоночник.

Дверь скрипнула, впуская усатую и высокого мужчину в белом халате, с чемоданчиком в руке.

– Это врач, – пояснила мне инспекторша, – сейчас он тебя осмотрит и решит, надо ли ехать в больницу. Только ничего не сочиняй, говори правду, хорошо?

– Да.

Тетка снова вышла, прихватив с собой моего провожатого, и мы с мужчиной остались одни.

– На что жалуемся? – поинтересовался он и раскрыл свой чемодан.

– Там что-то ломит, – я осторожно дотронулась до спины.

– Что ж, раздевайся. Не спеши, давай я тебе помогу. – Врач аккуратно стащил через голову ветхую трикотажную водолазку и покачал головой. – Одни ребра! Хоть суп из тебя вари.

Он развернул меня к себе спиной, и тут же тон его из шутливового сделался серьезным.

– Это кто ж тебя так?

Наверное, моя спина являла собой устрашающее зрелище. Еще бы, если за вчерашний вечер на нее не менее десятка раз опустилось увесистое сиденье деревянного стула.

Я пробурчала что-то неразборчивое.

– Я спрашиваю, кто тебя избил? – повысил голос врач. – Отец небось?

– Мама.

– Вот стерва, – жестко произнес он, бережно касаясь прохладными пальцами моего позвоночника. – Посадить ее на полную катушку, чтобы ребенка не калечила! Погоди, я ей это устрою. Так больно?

– Угу.

– А так?

– Тоже.

– Нагнуться можешь?

– Не могу.

– Ты все же попробуй, через «не могу». Мне это важно.

Я слегка наклонилась, закусив губу, чтобы не кричать. На глазах от боли тут же выступили слезы.

– Все, все, достаточно. Молодец. Давай одевайся, и померим давление. – Доктор протянул мне одежонку и усадил на стул. Потом достал из чемоданчика длинную трубку, странный прибор, похожий на будильник, и кусок темной плотной ткани.

– Сиди тихо, не двигайся. – Он тканью обмотал руку пониже плеча и начал мерно накачивать маленькую резиновую грушу.

Руку сильно сдавило, я испуганно вскрикнула.

– Говорю же, сиди тихо, – доктор недовольно поморщился, – я не собираюсь причинять тебе вред. – Он задумчиво поглядел на стрелку прибора, плавно ползущую вниз по шкале, и удовлетворенно кивнул. – Ну тут все в норме, сто пять на семьдесят. Немного низковато, но без криминала. Язык покажи.

Я высунула язык.

– Чистый. Молодец. – Врач встал и начал складывать свой чемоданчик. – Поедем в больницу, Василиса. Нужно сделать рентген позвоночника и подлечить гематомы. Плюс поколют тебе витаминчики – и будешь в полном порядке. – Он приоткрыл дверь и проговорил вполголоса, обращаясь к стоящей в коридоре усатой: – Я ее заберу. Там серьезные проблемы с позвоночником, возможно, потребуется специализированное лечение. Готовьте документы на девочку, ее нельзя оставлять с матерью, ни под каким видом, слышите?

– Слышу, – тусклым голосом ответила инспекторша.

В кабинет заглянул Валера.

– Вот видишь, как все отлично устроилось! А ты еще упрямылась. Теперь тобой займутся как следует. А насчет меня не сомневайся – приду навестить, гостинцев принесу.

– Правильно, – согласился врач, – ей гостинцы ох как нужны. Давай-ка, парень, помоги своей протезе добраться до машины, а лучше всего донеси.

– Это запросто, – с готовностью откликнулся Валера и осторожно подхватил меня на руки.

У крыльца стояла «Скорая». Шофер, увидав нас, спрыгнул с подножки и поспешил навстречу.

– Сказали бы, я б носилки принес.

– Не надо носилки, – Валера улыбнулся. – Мы и так обойдемся. Куда больную?

– Сюда, – шофер распахнул заднюю дверцу. – Тут кушетка, – обратился он ко мне, – можешь лечь.

Валера посадил меня в кузов, и я присела на край обтянутой клеенкой лежанки. Следом за мной в салон забрался врач, пригнув голову и ссутулив широкие плечи.

Затархтел мотор.

– Какая больница? – прокричал Валера, сложив ладони рупором.

– Пятнадцатая.

Дверка захлопнулась, я почувствовала, как пол под моими ногами дрогнул и качнулся.

– Доедем с ветерком, – пообещал врач.

4

Я лежала в маленькой, чистенькой и уютной палате, вставать мне не разрешали – только в туалет и умыться. Утром и вечером приходила медсестра и делала жутко болезненные уколы. Спину она мазала какой-то мазью, а еще мне давали целую пригоршню таблеток всех цветов радуги – синих, розовых, белых и зеленоватых.

От розовых всегда хотелось спать, и я дремала почти полдня.

Рядом со мной лежала девчонка чуть постарше, немного косенькая, со смешным, попоросычьим вздернутым носом и пухлыми щеками. Ее звали Нинка, она была детдомовка и в больницу поступила с сотрясением мозга – подралась с кем-то из одноклассников.

Ей тоже нельзя было вставать, и мы маялись от скуки на пару, развлекая себя бесконечной болтовней. Вернее, больше болтала Нинка, я молчала, со страхом слушая ее повествование о детдомовской жизни.

С ее слов выходило, что воспитатели и учителя у них сплошь звери, за малейшую провинность могут оттащить за волосы, а то и посадить в изолятор на трое суток без еды, обслуживающий персонал – ворье, а воспитанники дебилы или готовые бандиты. В палатах процветает дедовщина, старшие издеваются над малышней, все поголовно курят и пьют водку.

Нинка рассказывала все эти страсти со вкусом, не жалея красочных эпитетов, явно довольная производимым на меня впечатлением. К пятому дню своего пребывания в больнице я твердо решила, что не пойду в детдом даже под дулом пистолета. Подлечусь немного и убегу. Попробую снова жить на вокзале, может, теперь у меня выйдет лучше, чем в прошлый раз.

Спина все еще болела, но гораздо меньше, а аппетита по-прежнему не было. Пожилая нянечка три раза в день уносила с моей тумбочки нетронутые тарелки с едой, укоризненно ворча и обещая пожаловаться доктору. Там же, на тумбочке, громоздилась гора яблок и апельсинов, принесенных Валерой – тот честно выполнял свое обещание и появлялся в палате ежедневно под вечер.

Один раз навестить меня пришла Макаровна. Показалось, что за время, пока я ее не видела, старуха еще больше похудела и стала совсем крошечной. На щеке ее все еще отчетливо проглядывал синяк, уже не фиолетовый, а желтовато-зеленый.

Макаровна принесла пакетик моих любимых ирисок «Кис-Кис» и рассказала, что к нам в квартиру приходил участковый и еще какие-то люди в штатском, но «страшно сердитые», и матери «шьют дело».

Это известие я восприняла с удивительным равнодушием: мне было нисколько не жаль, что мать могут посадить или заставить работать. Жалость я испытывала лишь к отцу, да и то весьма смутную – скорей даже тревогу за то, что он станет делать, лишившись матери.

Макаровна пробыла у меня недолго – у нее сильно болело сердце и скакало давление. После ее ухода ириски, все до одной, сжевала Нинка.

Так прошла неделя, за ней другая. Мне разрешили вставать – сначала понемногу, потом сколько захочу. Нинку выписали, ее койка оставалась свободной, и я страшно скучала. От нечего делать у меня вошло в привычку день-деньской торчать у окна, наблюдая за происходящим в больничном дворе. Это было как немое кино.

Вскоре я выучила все наизусть. Точно знала, что утром, ровно в половине восьмого, в ворота въедет грузовик. Он остановится возле столовой, из кабины вылезут пожилой шофер в стеганой куртке и ушанке и его помощник, молодой, долговязый парень с бритой под ноль головой. Вдвоем они начнут выгружать из кузова продукты, из которых впоследствии больным сварят завтрак, обед и ужин.

Затем грузовик уедет, а на смену ему во дворе появится красивая блестящая иномарка главврача.

После восьми к воротам начинала тянуться длинная вереница людей. Это были врачи, медсестры и санитары, спешащие на работу в отделение. Иногда я пыталась подсчитать, сколько среди них женщин, а сколько мужчин, но всякий раз сбивалась.

Около одиннадцати двор наполнялся ходячими больными и пустел только к обеду. После тихого часа начиналась выписка, шел народ с сумками, приносили охапки цветов, стояли в ожидании автомобиля.

Вечером персонал покидал больницу, а на следующий день все повторялось заново.

Бывали в этой периодичности и незапланированные, спонтанные эпизоды. Однажды во дворике яростно и свирепо подрались два санитары. Я знала, из-за кого – красавицы медсестры, той самой, что делала мне уколы.

Сама виновница поединка прошла мимо соперников с гордо поднятой головой и равнодушным видом, не удостоив взглядом ни того ни другого. Я несколько раз видела, как она целовалась в ординаторской с заведующим отделением, поэтому понимала ее пренебрежение к двум сгорающим от страсти дурачкам.

Санитаров разняли, но один из них успел расквасить противнику нос и держался победителем. Старшая медсестра потом долго отчитывала обоих – слов из-за стекла я разобрать не могла, но выражение лица у нее было очень суровым.

Наблюдать за дракой мне понравилось, однако, к великому разочарованию, больше никаких ЧП не происходило. Я продолжала часами просиживать у окошка в надежде увидеть еще что-нибудь интересное, и как-то заметила бредущую по двору усатую инспекторшу.

Я сразу узнала ее по кудлатой темной голове – она была без шапки, в коротком голубом пуховике и высоких белых сапожках. Усатая остановилась возле больничного крыльца, кинула беглый и рассеянный взгляд на окна и решительно шагнула на ступеньки.

Вскоре в палату заглянула нянечка.

– Демина, к тебе пришли.

Я кивнула. Нянечка посторонилась, пропуская в дверь усатую. Та уже успела снять пуховик, на ее узких плечах болтался белый халат.

– Здравствуй, Василиса. – Голос у нее был такой же резкий и неприятный, вдобавок ко всему еще и простуженный. Видно, ее мучил насморк, потому что она уселась в дальнем углу палаты, комкая в руке платочек.

– Здравствуйте, – равнодушно проговорила я.

– Как дела? – поинтересовалась инпекторша. – Лучше тебе?

– Лучше.

– Что-нибудь болит?

– Почти нет.

– Ну вот и хорошо. – Она прижала платок к носу и звучно чихнула. – Тебя на следующей неделе выписывают, знаешь об этом?

Я качнула головой.

– Да, выписывают, – повторила усатая, краешком платка вытирая слезящиеся глаза. – Я вот тут думаю, как с тобой быть. Домой возвращаться нельзя, твоих родителей лишают родительских прав. В больнице тоже не могут держать вечно. Стало быть, остается детский дом. Ты не против?

Я неопределенно пожала плечами, не собираясь выкладывать усатой свои планы о побеге на вокзал. Пусть себе думает, что я сплю и вижу попасть в приют.

– Значит, не против, – обрадовалась инспекторша и снова чихнула. – Ну вот и отлично. Я сегодня же начну оформлять твои документы. Ты пока набирайся сил, отдыхай. Нянечка жаловалась, что тебя кушать не заставишь. – Она подняла некрасивое усталое лицо и первый раз за все время разговора посмотрела мне в глаза. – Это ты зря. Нужно есть, если хочешь вырасти. Поняла?

– Да.

– Ладно, я пойду. До понедельника. – Усатая встала со стула и не спеша пошла к двери. У порога она обернулась и проговорила, почему-то понизив голос: – Не думай, детдом хороший. Один из лучших по району. – Она назвала номер того самого, про который мне рассказывала Нинка, и вышла из палаты.

Оставшись одна, я первым делом прикинула, сколько времени осталось до понедельника. Сегодня была пятница, значит, в запасе у меня два дня.

Убежать я решила в ночь с воскресенья на понедельник – в это время больница пустовала перед новой рабочей неделей.

Улизнуть из отделения казалось делом нехитрым, проблема состояла лишь в том, что мои куртка и ботинки, как и рваная водолазка, были заперты в кладовке для одежды на первом этаже. Ключ от кладовой находился у завхоза, суровой, рябой и жилистой старухи, к которой и подойти-то было страшно, не то что просить выдать вещи.

Я голову сломала, придумывая, как добраться до своей одежды, но так и не нашла мало-мальски путного выхода.

Вечером меня позвали в процедурную на очередной укол. Понурая и убитая, я брела по коридору, точно сонная муха, и едва не ударилась лбом о приоткрытую дверь сестринской. Вовремя остановившись, я машинально заглянула вовнутрь и остолбенела.

В углу на вешалке висела поношенная черная куртка, а внизу, на полу стояли войлочные ботинки, именуемые в народе «прощай молодость». Память моментально и услужливо воскресила тот факт, что куртка и ботинки находятся здесь, в сестринской, давным-давно, с незапамятных времен, не исчезая ни поздним вечером, ни ранним утром. Иными словами, они были ничьи, скорее всего, достались отделению в наследство от какой-нибудь пожилой санитарки.

Что, если я воспользуюсь ими? Куртка ничуть не хуже моей, а может, и лучше, а ботинки... ботинки, конечно, будут велики размера на два, если не больше, ну да ничего не поделаешь.

В глубине души шевельнулась неприятная мысль, что это напоминает воровство, но я быстренько отогнала ее прочь. В самом деле, что еще делать – не оставаться же в палате, покорно дожидаясь, когда усатая отвезет меня в детдом в компанию к Нинке.

На сердце сразу стало легко и спокойно, я дошла до процедурной, героически вытерпела укол, выслушала похвалу медсестры за стойкость и вернулась в палату.

Все выходные я думала о предстоящей свободе. Мной владело искушение тайком забежать домой, навестить Макаровну, но я понимала, что делать этого ни в коем случае нельзя: меня, конечно, будут искать, и в первую очередь именно там.

Я решила, что повидаясь со старухой позже, когда хоть немного обживусь на новом месте и обо мне забудут правоохранительные органы.

В воскресенье утром пришел Валера, он уже был в курсе, что с понедельника я покидаю больницу. Парень изо всех сил старался ободрить меня, шутил, смеялся, рассказывал забавные случаи из своей службы и ушел лишь после обеда, как всегда, оставив на тумбочке целую кучу фруктов и сладостей, а также баночки со стряпней своей матери. После его ухода я наконец впервые нормально поела, силой впихивая в себя пищу, – готовилась к тому, что с завтрашнего дня придется голодать.

С непривычки после еды меня разморило и потянуло в сон. Я решила, что это к лучшему – выспавшись днем, я не захочу спать ночью, когда надо будет действовать. Уютно устроилась под одеялом, закрыла глаза, тут же отключилась.

Мне приснился один из удивительных снов, тех самых, что производили ошеломляющее впечатление на суеверную Макаровну. Пожалуй, он был наиболее яркий из всего, что я видела до сих пор.

Я совсем взрослая и необыкновенно красивая. На мне дорогая модная одежда и куча золотых украшений. Вокруг было множество людей, в основном мужчин, и все они смотрели на меня с нескрываемым восхищением.

Я о чем-то беседовала с ними, произносила незнакомые мудреные слова, остряла, смеялась. И они смеялись вместе со мной, подобострастно заглядывали в лицо, тесня друг дружку и норовя подобраться совсем близко, почти вплотную.

Однако их внимание почему-то не было приятно. Я чувствовала, как во сне на меня давит какая-то гнетущая тяжесть, от которой мучительно хотелось избавиться. И еще терзал непонятный, беспричинный страх. Я не понимала толком, в чем его источник: то ли меня пугали все эти люди, толкущиеся рядом, то ли что-то еще, неведомое, смутное, грозное.

Постепенно мной овладело единственное желание: убежать, скрыться от настойчивой толпы обожателей, остаться одной, скинуть нарядные шмотки, смыть с лица краску и вновь превратиться в маленькую девочку. Но что-то мешало мне сделать это, и я покорно продолжала играть ненавистную роль королевы и всеобщей любимицы, в душе терзаясь все больше и больше...

Потом я проснулась, словно от какого-то толчка. В палате было еще светло, и я удивилась, что проспала так мало: ноябрьские дни заканчивались рано, в начале шестого уже спускались быстрые, густые сумерки.

Отчетливо помня только что увиденный сон, я недоумевала, как мне могло присниться так много за короткое время.

За дверью, в коридоре, было странно шумно: слышались чьи-то голоса, гремела ведром уборщица, хотя я точно помнила, что сегодня она уже мыла полы во всем отделении.

Не понимая причины этого непривычного, невоскресного оживления, я поднялась с постели, накинула халат, сунула ноги в тапочки и выглянула в коридор.

Мимо меня с озабоченным видом шла медсестра, которой никак не должно быть сейчас на рабочем месте: ее смена начиналась лишь с понедельника.

При виде меня она слегка притормозила и приветливо произнесла:

– Доброе утро, Демина.

Я застыла на месте. Доброе утро? Какое сейчас может быть утро, когда только что прошел обед?

Медсестра прошмыгнула дальше, а мой взгляд сам собою упал на коридорные часы: стрелки показывали половину девятого.

По моей спине заструился ледяной пот. Неужели это половина девятого утра и я проспала не только воскресный вечер, но и всю ночь?

В это время расположенная прямо напротив моей палаты дверь ординаторской распахнулась, и в коридор вышел заведующий отделением со стопкой медицинских карт под мышкой. Его появление рассеяло последние сомнения.

Я кинулась обратно в палату, повалилась на кровать, уткнулась носом в подушку и рыдалась, горько и безутешно.

Теперь все кончено! Убежать уже невозможно, с минуты на минуту появится усатая и заберет меня в детдом! Значит, напрасно я строила планы, присматривала чужую куртку и сапоги, все, все напрасно!

Дверь протяжно скрипнула, по полу прошлепали шаги.

– Эвона! – раздалось прямо над моей головой. – Чего ж ты реवेशь?

Это была нянечка, принесшая завтрак. Я ничего не ответила и даже не пошевелилась, продолжая лежать в обнимку с мокрой от слез подушкой.

Тарелка с тихим стуком опустилась на тумбочку, звякнула о стакан ложка. Потом на голову легла мягкая, теплая рука.

– Ну будет, будет, – приговаривала нянечка, осторожно поглаживая меня по растрепавшимся волосам. – Может, болит чего? Пойти доктору доложить?

– Н-не надо доктору. – Я вскочила и села на кровати, громко и судорожно всхлипывая. – Не надо!

– Не надо так не надо, – покладисто согласилась нянечка. – Ты вот поешь лучше, чем наволочку солить, а то за тобой уже пришли.

Я вытерла глаза и обречено уставилась в стенку. Нянечка немного постояла рядом с моей постелью, затем коротко вздохнула и, покачав седой головой, вышла.

С тумбочки до приторности сладко пахло манной кашей. Я почувствовала, как к горлу подступает тошнота, встала, схватила тарелку и отнесла ее в другой конец палаты, на стол.

После этого мне стало немножко легче. «Все равно убегу», – подумала я и повторила эту фразу вслух. Голос прозвучал неожиданно решительно и твердо, и, услышав его, я успокоилась окончательно.

В конце концов, детдом – не тюрьма, из него тоже можно выбраться, хотя, наверное, это будет сложнее, чем сбежать из больницы.

Я выпила жиденького теплого чаю и уселась на стул ждать усатую.

Минут через десять снова зашла нянечка и принесла мою одежду. Водолазка была заботливо заштопана, ботинки оснастились новыми шнурками и крепкими резиновыми набойками. Я оделась и спустилась.

В застекленном холле действительно сидела усатая инспекторша, а с ней незнакомый, толстый и круглый, как колобок, дядька в кожаной куртке и кепке набекрень. Я покосилась на него с удивлением: он был абсолютно не похож на детдомовского воспитателя.

– Быстро ты, – вместо приветствия проговорила усатая, вставая мне навстречу. Вид у нее был еще хуже, чем два дня назад: нос покраснел и распух, губы обметала лихорадка, под глазами сгустились свинцовые тени. – Вот что, Василиса, – она откашлялась, пытаясь избавиться от осиплости, – планы немного изменились.

Я смотрела на нее в недоумении. Как это – изменились? Меня не повезут в детдом? Решили вернуть матери? А как же почти «сшитое» против нее дело?

– Знаешь, мне удалось связаться с одним учреждением, – сказала усатая. – Это специализированный интернат для детей и подростков с болезнями опорно-двигательного аппарата. Там почти никогда не бывает свободных мест, но... – Она снова закашлялась, натужно, мучительно, и, с трудом отдышавшись, завершила: – Но тебе повезло: позавчера оттуда забрали девочку, и теперь администрация интерната готова взять новенькую.

Она замолчала, наблюдая, какой эффект произведут ее слова.

Я не знала, что сказать в ответ. С одной стороны, я была безумно рада тому, что не поеду в Нинкин детдом, с другой – абсолютно не представляла себе специнтернат. Вдруг это что-то страшное, похуже любого приюта?

Тем временем мужчина-колобок тоже поднялся с лавочки и приблизился к нам с усатой.

– Это Геннадий Георгиевич, – представила его та, – шофер. Он как раз приехал в Москву по делам и заберет тебя с собой.

– А разве интернат не в Москве? – испугалась я. Не хватало еще, чтобы меня увезли в какую-нибудь тмутаракань!

– Нет, конечно. – Колобок весело и добродушно засмеялся. – Он в лесу.

– В лесу?!

– Ну да, в лесу. Будешь целые сутки дышать свежим воздухом, да еще пятиразовое питание. В комнатах по два-четыре человека, свои врачи, свои учителя. Рай, одним словом. – Он снова рассмеялся, показывая желтоватые прокуренные зубы.

– Я подумала, для твоей спины это лучшее, что можно пожелать, – тусклым голосом произнесла усатая. – Ну как, поедешь?

Меня разобрало любопытство. Неужели бывают места, о которых только что говорил колобок по имени Геннадий Георгиевич? Врет небось, лапшу мне на уши вешает, а на самом деле его хваленый интернат ничуть не лучше Нинкиного детдома. Все же я решила рискнуть и глянуть на все собственными глазами.

– Поеду.

– Тогда вперед, – скомандовал шофер, – инспектору твоему дадим выходной, пусть домой идет и лечится, а мы и без нее доберемся, верно?

– Верно.

Усатая ничего не сказала, развернулась и пошла к дверям. Я за ней. Последним больничный холл покинул Геннадий Георгиевич.

– Вон моя красавица. – Он указал рукой на светло-серую «Газель», стоявшую неподалеку от входа. – Прошу садиться, мадемуазель.

Пискнула сигнализация, вспыхнули и погасли фары. Я нерешительно дернула дверцу – та поддалась.

– Залазь, не стесняйся, – ободряюще проговорил шофер.

Усатая вытащила из сумки широкий пухлый конверт.

– Вот, это ее бумаги. Там все: свидетельство о рождении, выписка из домовой книги, медицинское заключение, снимки. – Она протянула конверт Геннадию Георгиевичу. Тот кивнул и аккуратно спрятал его за пазуху.

– Передадим по назначению.

Он легонько подтолкнул меня вперед, и я взобралась на кожаное сиденье.

– Будешь за дорогой следить, – серьезно произнес Геннадий Георгиевич, устраиваясь рядом. – Чтоб, значит, ничего такого.

Мягко заработал двигатель. Усатая помахала в окно рукой и отошла назад.

– Славная баба, – негромко сказал шофер, – сердечная. Двое суток на телефоне сидела, пока своего добилась. К нам-то взять направление ох как сложно – койко-мест кот наплакал, да опять же лечение одного пациента в такую копеечку обходится, будь здоров. А она, инспек-

торша твоя, получила, так что ты, девка, еще не раз добрым словом ее помянешь. Давай-ка, махни ей на прощание. Слышь, чего говорю, махни, не ленись!

Слова шофера явились для меня откровением. Вот, оказывается, как! Усатая вовсе не злобная равнодушная мымра, какой казалась с виду, и ей совсем не улыбалось отправить меня в детдом, хоть она и расхваливала его на все лады. Расхваливать-то расхваливала, а у самой внутри что-то свербело, видать, раз в выходные добровольно лишила себя отдыха.

Я вдруг подумала о том, как несправедливо устроен мир: вот бы той фее в каракуле, которая обвинила меня в краже своего кошелька, иметь такую неказистую, отталкивающую внешность, как у усатой инспекторши. Тогда бы все было по-честному: стерва снаружи, стерва и внутри. Так ведь нет, дал же бог этой злоке смазливое личико, бархатистую кожу и губки бантиком, а бедняге-инспекторше только и досталось, что кудлатая овечья шевелюра да черные усы, делающие ее похожей на мужика...

...Машина давно выехала за ворота, а я так и не помахала инспекторше, погруженная в свои мысли. Геннадий Георгиевич ничего больше не говорил, крутил баранку и лишь иногда искоса поглядывал на меня краем глаза.

Мы миновали город и помчались по Кольцевой автодороге. «Газель» неслась на приличной скорости, у меня даже стало захватывать дух и слегка закружилась голова.

– Сомлела, что ли? – встревожился Геннадий Георгиевич. – Что-то личность у тебя зеленая, ни дать ни взять царевна-лягушка. На вот, – он вынул из-за пазухи конфету в прозрачной обертке, – кисленькая, с лимоном. От укачивания здорово помогает.

Я послушно взяла конфету, развернула бумажку и сунула в рот желтый липкий шарик.

– Лучше? – поинтересовался шофер. – Ну то-то. А ехать медленнее никак нельзя, нам до обеда поспеть нужно, кровь из носу, а то начальство сердиться будет.

Он крутанул руль вправо, и машина лихо свернула на оживленное шоссе. Вскоре за окнами замелькали низенькие частные домики, потом пошли одинокие чахлые березки, и, наконец, по обе стороны дороги вырос густой лес.

– Через час прибудем, – уверенно пообещал Геннадий Георгиевич и одной рукой ловко вытряс из пачки «беломорину».

5

Интернат действительно стоял в лесу: прямо вдоль длинной каменной ограды росли огромные мрачные ели, между ними тесно жались друг к дружке осины и березы.

«Газель» въехала в широкие ворота и остановилась на небольшой асфальтированной площадке.

– Вылезай, – приказал Геннадий Георгиевич, – приехали.

Я спрыгнула на землю и с любопытством огляделась по сторонам.

Вокруг тоже были деревья, из-за них вдалеке проглядывало трехэтажное краснокирпичное здание.

– Нам туда, – подтвердил шофер, уловив направление моего взгляда.

Узкая асфальтированная дорожка выходила в прилегающий к зданию чистенький ухоженный дворик. Там было полно народу: с визгом носилась малышня, ребята постарше стояли, сбившись в небольшие группки. Я заметила, что у многих из-под одежды торчат какие-то странные штуковины, похожие на рыцарские доспехи. Кроме того, разъезжало несколько инвалидных колясок. Сидевшие в них мальчишки и девчонки выглядели вполне довольными, веселыми и активно принимали участие в общих играх и забавах.

– Что, интересно? – усмехнулся Геннадий Георгиевич и потянул меня за руку. – Потом со всеми познакомишься, а сейчас нужно доложить главному врачу.

Мы поднялись по низеньким ступеням и очутились в просторном, безукоризненно чистом вестибюле. Повсюду стояли кадки с растениями, пол, выложенный широкой сероватой плиткой, сверкал, стены украшала красочная разноцветная мозаика, изображавшая сюжеты русских народных сказок.

Вокруг было удивительно пусто и безлюдно, лишь возле одной из кадок на маленьком вязаном коврике дремал огромный пушистый трехцветный кот.

Почуяв нас, он приоткрыл один зеленый глаз, затем другой, лениво поднялся на все четыре лапы и сладко потянулся.

– Это тезка твой, – с улыбкой пояснил шофер, – Васькой кличут. Обжора, каких свет не видывал.

Кот меж тем сел на коврик и принялся старательно вылизывать роскошную, рыже-коричневую с белыми пятнами шерсть.

– Ты обожди пока, – распорядился Геннадий Георгиевич, – я сейчас.

Он быстро подошел к двери, обитой толстым слоем дерматина, и скрылся за ней.

Я во все глаза смотрела на кота, который больше не обращал на меня ни малейшего внимания, продолжая заниматься своим туалетом.

– Кис-кис-кис, – тихонько позвала я его, – Васька! Иди сюда!

Кот повел усами в мою сторону и коротко, пискляво мяукнул. Я подумала, что голос не соответствует его представительному заносчивому виду. В это время дерматиновая дверь распахнулась, и Геннадий Георгиевич, высунувшись, поманил меня пальцем.

Я зашла в маленький квадратный кабинет с огромным окном с нарядными розовыми шторами. У одной стены кабинета стояла низкая кушетка, покрытая белоснежной крахмальной простыней, у другой – длинный узкий застекленный шкаф. В углу громоздился здоровенный письменный стол, заваленный кипой бумаг.

За столом сидела довольно молодая белокурая женщина с энергичным миловидным лицом, в белом халате и шапочке. На груди у нее висела трубка, какой слушают дыхание у больных.

– Проходи, не стесняйся, – обратилась ко мне белокурая. – Меня зовут Марина Ивановна Базарова, я главный врач интерната, а также его директор. А ты – Василиса, верно?

– Верно. – Я сделала пару нерешительных шагов вперед.

– Я пойду, – сказал Геннадий Георгиевич, – а то мне еще к завхозу нужно.

– Иди, Гена, – разрешила белокурая, – вечером загляни, дело для тебя есть.

– Так точно. – Шофер шутливо вытянулся по стойке «смирно» и скрылся в коридоре.

– Так, Василиса, – Марина Ивановна раскрыла лежащий перед ней конверт, тот самый, который усатая передала шоферу в больничном дворике, – давай-ка посмотрим, что там с твоим позвоночником. – Она вытрясла на стол два рентгеновских снимка и принялась тщательно изучать их.

– Ясно, – проговорила Марина Ивановна через минуту. – Подойди-ка сюда.

Я послушно приблизилась к столу.

– Вот, гляди сюда. Видишь, такой тонкий червячок? – указательный палец директрисы с коротко остриженным ногтем ткнул в дымчато-белую вертикальную линию на черном фоне. – Видишь? Это и есть твой позвоночник. Он немного искривлен, а должен быть прямым. Смотри – вот тут и тут есть затемнения.

Я заворожено глядела в то место, куда указывал палец Марины Ивановны, но ничего не видела, хоть убей. Ни затемнения, ни кривизны – обыкновенная прямая линия, окруженная светлыми лепестками. «Ребра», – догадалась я и покосилась на директрису.

– А теперь я покажу тебе другой снимок, – спокойно проговорила та и жестом фокусника извлекла из ящика стола еще один конверт, точь-в-точь такой же, как мой, – смотри, что бывает, если прогрессирующий сколиоз не лечить.

Я взглянула на снимок, ожидая снова увидеть тоненькую линию, но ее не было. Вместо нее во весь листок горбился крючок, похожий на вопросительный знак.

– Знаешь, что это такое? Горб. – Голос Марины Ивановны прозвучал неожиданно сурово и жестко. – Самый настоящий, который мешает расти, а потом и двигаться. Это снимок одного двенадцатилетнего мальчика, который, к сожалению, попал сюда слишком поздно. Теперь он навсегда прикован к инвалидной коляске. А начни лечить его чуть раньше, мог бы стать абсолютно здоровым. – Она немного помолчала, потом сложила снимки каждый в свой конверт и произнесла мягче: – Так-то вот, девонька. Болит спинка?

– Сейчас нет.

– Вот и прекрасно, – обрадовалась Марина Ивановна. – Случай у тебя не из самых тяжелых, все будет в порядке. Придется только походить в корсете, годик, ну, может, полтора.

Я смекнула, что корсет – это, видно, и есть та диковинная штукавина наподобие рыцарских лат, такие носили играющие во дворе дети.

– Завтра я осмотрю тебя как следует, сделаем повторно все анализы и закажем корсет, специально по твоей фигуре, – пообещала Марина Ивановна, – а сейчас тебе нужно отдохнуть, освоиться. Я позову Жанну, это наша сестра-хозяйка. Она проводит тебя в твою комнату, выдаст постельное белье и все необходимые вещи. Договорились?

Я кивнула.

Марина Ивановна нажала какую-то кнопку на столе. Через минуту в кабинет вбежала совсем молоденькая симпатичная девушка, также одетая в белоснежный халат и шапочку.

– Что, Марина Ивановна? – проговорила она, слегка запыхавшись.

– Жанночка, это новенькая. Зовут Василиса, фамилия Демина. Отведи ее на второй этаж в пятую палату, расскажи, что да как, помоги устроиться.

– Хорошо, Марина Ивановна. – Девушка весело глянула на меня смешливыми карими глазами. – Идем со мной!

Мы вышли в вестибюль. Коврик под кадкой был пуст, кот Васька успел уйти по своим делам.

– Нравится тебе у нас? – спросила Жанна.

Я неопределенно пожала плечами.

– Ну ничего, – беспечно проговорила она, – еще понравится. Обязательно, вот увидишь. Воспитатели – чистое золото, все как есть добрые, даже голоса никогда не повышают. Кормят так, что пальчики оближешь, повариха тетя Катя в интернате уже десять лет работает, и ни одной жалобы на нее за все время не было. Марина Ивановна, правда, строгая, – Жанна хитро улыбнулась, – но это для вашего же блага. Если режим не соблюдать, никогда не поправиться, ясно ведь?

– Ясно, – согласилась я.

– А раз ясно, вот и прекрасно, – зарифмовала Жанна и распахнула передо мной дверь на лестницу. Рядом со ступеньками тянулись два длинных желоба для колясок.

Второй этаж разветвлялся на два коридора. С того, что был левее, отчетливо тянуло запахом манной каши, но не таким, как в больнице. Тот вызывал отвращение и тошноту, а этот был ароматным, сладким и приятно щекотал ноздри. У меня тут же рот наполнился густой слюной. Я сглотнула ее, затем еще и еще.

Жанна заметила, как я принохиваюсь, и кивком указала налево:

– Там у нас столовая. Ты что, голодная?

– Н-нет, – не очень уверенно ответила я.

– А чего слюнки глотаешь? – засмеялась девушка. – Так и быть, определю тебя на место да отведу к тете Кате. У той каша с завтрака осталась, она тебя накормит. А то до обеда еще целый час.

Она повела меня от чудесного запаха направо по коридору, мимо дверей с табличками «1», «2», «3», «4». Возле палаты под номером пять Жанна остановилась.

– Добро пожаловать в свою комнату. – Она толкнула дверь, и та бесшумно открылась. Я заглянула вовнутрь и застыла от изумления.

Палата была огромной, так, по крайней мере, мне показалось с первого взгляда. Непривычно высоко над головой – чисто выбеленный потолок, прямо напротив двери сверкали вымытыми стеклами два больших окна. У стен стояли низкие деревянные кровати. Всего их было четыре, каждая аккуратно покрыта новеньким пикейным покрывалом.

Угол стены над одной из кроватей украшали многочисленные вырезки из журналов с изображением эстрадных певцов и артистов, над другой одиноко и скромно висела иконка Казанской божьей матери.

На полу лежал пушистый малиновый ковер, у подоконника стоял широкий прямоугольный стол со стопками книг, тетрадок, альбомов.

Наконец, завершала все это великолепие висящая под потолком стеклянная люстра в форме ромашки.

Я стояла, разинув рот, не в состоянии поверить, что здесь мне отныне предстоит жить. Никогда раньше я не видела такой ослепительной, сияющей чистоты и порядка, не считая двух недель, проведенных в больнице. Но если тамошняя чистота, неизменно соседствовавшая с едким запахом хлорки и лекарств, была тоскливой и холодной, то эта излучала покой, уют и теплоту.

Здесь, в этой светлой, залитой солнцем, комнате хотелось остаться так надолго, чтобы даже не думалось о том времени, когда придется уходить.

Жанна спокойно стояла в сторонке и терпеливо ждала, когда я справлюсь с обилием новых впечатлений.

– Ну теперь тебе точно понравилось, – уверенно произнесла она, глядя на мою просветлевшую физиономию. – Глазки блестят, и даже щеки малость порозовели. Вон твоя кровать. – Жанна подошла к окну и откинула легкое бежевое покрывало. Под ним оказался чистенький матрас в веселый голубой цветочек. – Сейчас принесу тебе постель, полотенце, мыло и зубную щетку. Душ в конце коридора, но ты пока туда не ходи, подожди до вечера. После обеда воспитательница ходит с тобой в кладовку, подберете там одежду и обувь. Да, и вот еще что: в шкаф вешай только то, что носишь в помещении, а куртку, шапку и сапоги надо оставлять в гардеробе. Это в самом начале коридора, я тебе после покажу. – Она проворно скрылась за дверью.

Я постояла немного, переминаясь с ноги на ногу, затем приблизилась к своей кровати и осторожно присела на краешек. Матрас оказался неожиданно жестким, словно внутрь матерчатого чехла был засунут кусок фанеры. Однако мне все равно понравилось сидеть на постели – своей собственной, а не казенной, больничной. Дома я спала на старом разваливающемся диванчике, подстилая под себя серую дырявую простыню и укрываясь колючим армейским одеялом отца. Здесь одеяло было байковым, мягким и лежало в изголовье кровати.

Пока я сопоставляла домашние и интернатские условия, вернулась Жанна, неся стопку пахнущего свежестью крахмального белья и пакет с туалетными принадлежностями.

– Стелись, и пойдем в столовую: тетя Катя тебя уже ждет.

Она быстро помогла мне натянуть простыню, вдеть одеяло в пододеяльник, засунула подушку в цветную наволочку и накрыла кровать покрывалом.

– Учись, чтобы выходило красиво и аккуратно. У нас по утрам проверки, если заметят беспорядок, заставят перестилать. Из столовой в палату ничего не носи, даже хлеба, а то Марина Ивановна ругаться будет. Ну, идем.

Сказать по правде, мне не очень хотелось покидать палату, но дразнящий запах манной каши долетал даже сюда.

Я оставила куртку в палате в нарушение строгих правил и последовала за Жанной в столовую.

Там, на одном из столиков, покрытых клеенчатой скатертью, действительно стояла и дымилась большая глубокая тарелка. На самом верху густой молочно-белой массы плавал ярко-желтый кусочек растопленного масла.

Я расправилась с кашей за каких-нибудь полминуты, отчетливо ощущая, что могла бы съесть еще по меньшей мере две такие тарелки. Впервые за последние несколько недель у меня проснулся аппетит – вчерашний обед был не в счет, тогда я просто силком запихивала в себя пищу впрок, про запас, давясь и захлебываясь.

Сейчас же я получала от еды небывалое удовольствие, наслаждалась ею. Вдобавок к каше Жанна принесла мне полный стакан горячего какао, которое я пила всего пару раз за свою жизнь, угощаясь у Макаровны.

– Ну что, сыта? – с улыбкой спросила Жанна, когда я допила последний глоток и в блаженстве откинулась на спинку стула.

– Сыта.

– Небось теперь и обедать не будешь? То-то мне влетит от Марины Ивановны.

– Буду обедать, – поспешно ответила я.

– Смотри! – Жанна шутливо погрозила пальцем. – Давай-ка одевайся, пойдем во двор. Наши еще гуляют, так что познакомишься со всеми, так сказать, вольешься в коллектив.

6

Во дворе всюду шла активная и дружная игра. Играли в «ручеек»: стояли по двое, высоко подняв руки, а по живому коридору продвигался водящий, разбивая какую-нибудь пару.

Непривычным было то, что в забаве запросто участвовали ребята в инвалидных колясках. Когда такой «вода» ехал вдоль вереницы пар, остальные участники игры размыкали сцепленные наверху руки и делали друг от дружки шаг каждый в свою сторону. Таким образом «коридор» расширялся настолько, что коляска легко могла по нему проехать.

Я стояла на крыльце рядом с Жанной и с любопытством наблюдала за играющими. Все они выглядели веселыми и довольными, громко переговаривались между собой, смеялись. Никто никого не обижал, не проявлял нетерпения или недовольства.

– Хочешь поиграть с ними? – спросила Жанна.

– Хочу.

– Ну так подойди, не робей.

Я спустилась со ступенек и медленно приблизилась к шумной ватаге. Когда осталось шагов пять, не больше, я начала понимать, что порядок и спокойствие царят здесь отнюдь не сами по себе.

В первой паре стояла высокая немолодая женщина, одетая в коричневое пальто и светло-бежевую вязаную шапочку. Она-то и командовала «парадом», негромко, вполголоса отдавая приказания типа: «Вова, отойди чуть вправо», «Наташа, не торопись, не волнуйся, мы тебя подождем», «Катюша, выбери Настеньку, что-то все про нее позабыли».

Дети слушались ее беспрекословно, и именно благодаря этому умелому, доброжелательному и ненавязчивому руководству игра с участием инвалидов ладилась, была веселой и интересной.

Высокая тут же заметила меня, выпустила ладошку мальчика, который стоял с ней в паре, и улыбнулась. Ее широкоскулое, некрасивое и грубоватое лицо, практически лишенное косметики, просветлело и стало моложе на добрый десяток лет.

– Ты кто будешь, милая? Новенькая?

Я кивнула.

– Дети, это новенькая, – тем же негромким, ласковым голосом объявила воспитательница. – Давайте спросим, как ее зовут.

– Давайте! – вразнобой ответило несколько человек.

– Как тебя зовут? – обратилась ко мне высокая.

– Василиса.

– Сказочное имя. Очень красивое. – Она протянула мне ладонь, широкую, с крепкими узловатыми пальцами. – А я – Анфиса Петровна. Будем знакомы. Становись в пару, поиграй с нами.

Я послушно подошла к оставленному воспитательницей мальчишке. Тот был чуть ниже меня ростом, нос и щеки покраснелись от легкого морозца, на круглом, почти безбровом лице хитро и озорно поблескивали маленькие желто-карие глазки.

– Как ты сказала тебя зовут, Алиса? – тут же спросил он и цепко ухватил меня за руку.

– Василиса, – тихо поправила я.

– А меня Влад. Можно Владик.

Во рту у мальчишки не хватало нескольких зубов, и потому он заметно шепелявил, проносясь «Алиша» вместо «Алиса» и «мошно» вместо «можно».

Я тяжело сходилась со сверстниками. У меня никогда не было не только настоящих друзей, но и просто хороших приятелей.

Нашей дворовой детворы я боялась и стыдилась: меня дразнили нищенкой, оборванкой, о моей матери вслух говорили, что она пьяная потаскуха, а отца называли сумасшедшим.

Когда на лестнице или у подъезда я замечала кого-нибудь из соседских ребят, то всегда старалась отвернуться в сторону и побыстрее прошмыгнуть мимо.

В школе я не была давным-давно, вся моя учеба ограничилась первым классом, а после мне стало не до того. Занятая поиском средств для матери, я все дни проводила на улице, а родителям было абсолютно все равно, учиться их дочь или нет.

Как я уже упоминала, единственным близким мне человеком была старуха-соседка. Вот почему явный и неприкрытый интерес партнера по игре к моей персоне вызвал болезненное стеснение.

Мне ужасно хотелось, чтобы наш разговор продолжался, но я совершенно не представляла, что нужно говорить и как вести себя. Поэтому я молчала как рыба, чувствуя себя полной и беспросветной душой, отчаянно боясь, что беззубый плюнет на меня и найдет себе другую пару.

Однако тот не обратил на мою немому ни малейшего внимания и принялся перечислять имена и фамилии всех участвующих в «ручейке» мальчишек и девчонок.

– Вот это Катька Анисимова, она тоже только недавно пришла, это Соня Голубева – у нее компрессионный перелом позвоночника, с велосипеда упала. Это Колька Зеленчук, у него что-то врожденное, а этот, в синей куртке, Митя Караманов. Он лучше всех в интернате в шахматы играет.

Я слушала, как он шпарит взрослыми и мудреными словечками вроде «компрессионного перелома», и потихоньку балдела от счастья.

Надо же, такой умный, осведомленный, и стоит здесь со мной, крепко держа за руку, явно не собираясь никуда уходить.

Только я об этом подумала, как смуглолицая девчонка с черной челкой, спускающейся на лоб из-под голубой шапочки, разбила наши сцепленные руки и уволокла беззубого за собой, в хвост шеренги.

Я осталась одна и стала растерянно озираясь по сторонам.

– Води, води! – закричало сразу несколько человек. – Давай, не тормози.

– Тише, тише, – тут же вмешалась Анфиса Петровна, – не надо никого подгонять. Василиса, иди выбирай себе пару. Смелей, никто тебя не съест.

Я поколебалась и нырнула в «коридор».

– Выбери меня, пожалуйста! – умоляюще попросила белобрысая тощая девчонка, стоящая в паре с толстым, розовым, как поросенок, парнишкой. – Я не хочу стоять с этой бочкой! Я покосилась на нее и прошла дальше.

– Эй, давай меня, – нахально потребовал пацан в синей куртке, кажется, тот самый, которого мой партнер назвал лучшим шахматистом, и грубо дернул меня за рукав.

– Обойдешься, – сквозь зубы пробормотала я, проскальзывая мимо.

Беззубый и девчонка с челкой стояли самыми последними. Я было протянула руку и вдруг замешкалась, застеснялась.

А вдруг он вовсе не хочет быть со мной в паре, ему нравится эта, в голубой шапочке, с красивым персиковым румянцем на высоких восточных скулах? Еще, чего доброго, станет смеяться надо мной, да и не только он один, но и все остальные.

Смуглолицая смерила меня тяжелым, пронизывающим взглядом, от которого сразу стало не по себе. Я уже хотела проскочить «коридор» насквозь ни с чем и начать поиск пары заново, как беззубый решительно шагнул вперед, едва не сшибив меня плечом.

– Ты... чего... – пролепетала я и тут же почувствовала, как мои пальцы сжала его теплая ладонь.

– О, я сегодня популярный! – весело заявил он смуглолицей и потащил меня прочь из «коридора».

Девчонка досадливо топнула ножкой и побежала вперед, к началу шеренги. Мы с Владом остались стоять последними.

– Ты всегда такая трусиха? – поинтересовался он, улыбаясь щербатым ртом.

– Почему это трусиха? – попробовала выкрутиться я.

– Побоялась меня выбрать. Я же видел, ты хотела, а в последнюю минуту испугалась. Так бы и прошла мимо.

Возразить было нечего. Я опустила голову и уставилась на ободранные носы своих ботинок.

– Да ладно, – тут же сжалился Влад. – Не переживай. Так даже лучше.

– Лучше? – не поняла я.

– Ну, что ты... это... застенчивая. Не люблю нахалок. – Он сказал это так запросто, совершенно по-взрослому, и почему-то мне сразу стало легко и спокойно. Я перестала дичиться и смущаться, почувствовала себя свободно и непринужденно.

К моему великому сожалению, в этот самый момент Анфиса Петровна хлопнула в ладоши и громко произнесла:

– Все, пора обедать.

Цепочка тут же распалась. Ребяшня гурьбой повалила к зданию. Кто-то нечаянно толкнул меня, в полуметре от моей ноги проехала коляска. Я отпрянула в сторону, невольно вырвав ладонь из руки Влада. Его тотчас оттеснили. Он попытался приблизиться, но ничего не вышло – между нами мгновенно оказалось множество народу.

Тогда Влад помахал мне рукой и весело прокричал:

– Потом увидимся! После обеда! В общей игровой.

Я поспешно кивнула, следуя за потоком, увлекающим меня в помещение.

В вестибюле толпа разделилась: часть ее потекла налево, в узкий коридор первого этажа, часть на лестницу. Я поднялась по ступенькам, разделась вместе со всеми в гардеробной и сунулась было в столовую, но там стояла толстая тетка в белом халате и заворачивала всех обратно:

– Еще не время. Погодите малость.

Ребяшня быстро разбежалась по своим комнатам, и вскоре я осталась у дверей столовой одна. Толстуха глянула на меня с сочувствием:

– Что, проголодалась?

– Да нет. – Я пожалала плечами. – Недавно уже ела.

– А коли ела, ступай к себе в палату. Через десять минут придешь, – велела тетка.

Я послушно направилась к своей комнате. Несмело толкнула дверь, осторожно заглянула внутрь. Комната была пуста, в окно весело светило неяркое зимнее солнце.

Я отчего-то на цыпочках пробралась к своей кровати, присела на ее краешек, погладила пальцами подушку в тугий нежно-голубой наволочке.

Соседние тумбочки были уставлены массой всяких безделушек: куколками, картинками в простых деревянных рамках, керамическими вазочками. Мне тоже захотелось, чтобы мою тумбочку хоть что-нибудь украшало, но осуществить свое желание я не могла. У меня не было с собой абсолютно ничего, что принадлежало бы лично мне, – я так и не попала домой с того самого злополучного дня, когда вышла на улицу просить подаяние для матери.

Я тихонько вздохнула, утешая себя мыслью: может быть, ко мне сюда приедет Макаровна и привезет какие-нибудь подарочки и гостинцы.

В это самое время дверь палаты распахнулась и на пороге возникла инвалидная коляска. В ней сидела бледная светловолосая девчонка, по виду моя ровесница, с большими печальными серыми глазами, опущенными длинными ресницами. За спинкой коляски стояла другая девчонка, румяная, скуластая и черноволосая, при взгляде на которую мне стало не по себе: я без труда узнала ту самую смуглянку, которая увела у меня Влада в «ручейке».

Девчонка тоже узнала меня, и миловидное личико скривилось в презрительной гримасе. Она толкнула коляску в палату и проговорила низким, надменным голосом:

– Ты глянь, Маринка, кого к нам принесло! Новенькую заселили, будь она неладна!

Светловолосая ничего не ответила. Ее огромные, потрясающе красивые глаза, казалось, смотрели сквозь меня куда-то вдаль.

– Девочка, а ты ничего, страшненькая! – с издевкой произнесла смуглая, морща аккуратный вздернутый носик. – Правда, Мариш, она уродина? Тощая, как вяленая вобла, и такая же бесцветная. Фу, меня сейчас вырвет!

Ее подруга едва заметно качнула головой.

– Ладно тебе, Свет, уймись. Она же не виновата, что ее сюда распределили. – Голос у нее был тихий-тихий, начисто лишенный обертонов, – невнятный шелест.

– Ага, не виновата! А чего лезет, куда ее не просят? – Черноволосая Света мрачно зыркнула на меня темными, слегка вытянутыми к вискам глазами и покатила коляску с подругой к окну.

Меня не слишком ранили ее обидные слова. За свою недолгую жизнь я натерпелась насмешек и издевательств, привыкла к ним и переносила с завидной стойкостью, без лишних эмоций.

К тому же я сочла, что черноволосая абсолютно права в оценке моей внешности. Конечно, в сравнении с ней я настоящая замухрышка: жиденькие белесые волосенки, невыразительное, лишенное красок лицо, нескладная худая фигура. Куда мне до ладной, гладкой и румяной смуглянки!

Светка, ожидавшая другой реакции, еще больше разозлилась из-за моего молчания.

– Смотри, – ехидно проговорила она, с размаху плюхаясь на свою кровать, – на твоей постели раньше Танька спала. Она у нас каждую ночь матрас мочила. Ты понюхай – вот вонища-то должна быть! – Светка весело захохотала, брыкая стройными ножками, обтянутыми черными шерстяными колготами.

Я снова промолчала. Мне показалось, что десять минут, оставшиеся до обеда, уже миновали и можно покинуть палату с недоброжелательными соседками.

Я встала и, ни слова не говоря, направилась к двери.

– Вот и правильно, топай отсюда, – прокомментировала Светка и ласково обратилась к подруге: – Мариш, тебе обед сюда нести или в столовку поедешь?

– Сюда, – еле слышно прошелестела та, на секунду прикрыв глаза. – Хотя, вообще-то... я не голодна.

– Ерунда! – строго произнесла Светка. – Тебе надо питаться, иначе вовсе копыта отброшишь. Я сейчас схожу, через пять минут. Пусть только сначала эта мырма отвалит.

Она, конечно, имела в виду меня. Я не стала более искушать судьбу и скрылась в коридоре.

По правде сказать, я надеялась встретить в столовой Влада, но почему-то, сколько ни присматривалась, не смогла его увидеть.

Обед оказался таким же восхитительно вкусным, как и недавняя манная каша: наваристый жирный борщ, легкое воздушное пюре и котлеты. Вдобавок ко всему на третье был клюквенный кисель, кисло-сладкий, с плавающими на поверхности розовыми шкурками от ягод.

По дороге из столовой меня окликнули:

– Василиса, постой-ка.

Я обернулась. Позади стояла Анфиса Петровна, в темном глухом свитере под самое горло и длинной, тоже темной, старомодной юбке. Волосы ее были собраны на макушке в тяжелый тугой узел.

– Нам с тобой надо подобрать одежду и обувь. – Она окинула озабоченным взглядом мою мосластую фигуру. – Пойдем.

Анфиса Петровна свела меня вниз по лестнице в кладовку. Это была довольно большая комната, полная разнообразных коробок и чемоданов. У стен стояли длинные вешалки, и на них были аккуратно, как в магазине, развешаны платья, юбки, брюки, а также пальто и куртки.

– Повернись-ка, – приказала воспитательница. Я послушно встала к ней боком, затем спиной. – Ой, какая худышка! Да тебе одежка нужна на восьмилетнюю, а то и еще меньше. – Анфиса Петровна ласково тронула меня за плечо. – Ты-то ведь постарше будешь? Сколько тебе?

– Десять. Скоро одиннадцать.

– Ну ничего. – Она ободряюще улыбнулась. – Мы тебя откормим. На вот, примерь это. – Ее руки ловко и проворно стащили с вешалки одно из платьев, трикотажное, синее, в тонкую белую полоску. – Не стесняйся.

Я сняла свою штопаную водолазку и натянула то, что велела воспитательница. Платье было совершенно новым, мягкая ткань с теплым ворсом приятно облегла тело.

– Тебе хорошо. – Анфиса Петровна одобритительно кивнула. – Это будет домашнее. А для учебы вон то. – Она вытащила из коробки модную кофточку и приталенный джинсовый сарафан. – Как, нравится?

Я даже ответить не смогла, только кивнула, с восторгом глядя на красивую, чистенькую одежду. Как в сказке о Золушке, которую мне давным-давно читала Макаровна! А Анфиса Петровна и есть та самая фея-крестная.

Видно, физиономия у меня сделалась презабавная – воспитательница снова улыбнулась, потрепала меня по щеке и мягко проговорила:

– Ты меряй, меряй, вдруг не подойдет. Я тогда заменю. – Она помолчала немного, покусывая губы, а потом произнесла, понизив голос: – Как ты на Валюшку мою похожа, одно лицо, ей-богу. И возраст такой же... – Она хотела что-то добавить, но внезапно, точно захлебнулась воздухом, сделала судорожный вдох, махнула рукой и отвернулась к маленькому низкому окошку.

Я ощутила неловкость. Мне показалось, Анфиса Петровна плачет и хочет скрыть это от меня. Но нет: она обернулась, и лицо у нее было совершенно сухим и спокойным.

– Забирай одежду и ступай к себе, – проговорила она все так же мягко и ласково, – сейчас у нас тихий час, ложись, отдохни. А после полдника можешь заняться чем хочешь, почитать, поиграть. Игровая на третьем этаже, попроси девочек, они тебе покажут. Ты в какой палате?

– В пятой.

Воспитательница нахмурилась.

– Это где Караваева и Слуцкая, – произнесла она вполголоса, словно обращаясь к самой себе, – хорошая компания, ничего не скажешь!

Было абсолютно ясно, что ни Света, ни Марина не пользуются любовью Анфисы Петровны.

– Ладно, – она коротко вздохнула, – надо будет переселить тебя при первой возможности, да только сделать это непросто, от нас редко уезжают. Ты вот что, Василиса: будут обижать – не стыдись, жалуйся. Мне, Жанне, Анне Николаевне – это другая воспитательница. Поняла? – Выражение ее лица сделалось суровым и требовательным.

– Да.

– Ну, иди тогда.

Я сгребла в охапку ворох вещей и вышла из кладовки.

Знакомый трехцветный кот был снова на месте, лежал себе, развалившись на коврик, и щурил на меня зеленые глаза. Я решила, что принесу ему с ужина что-нибудь вкусенькое.

7

Не очень-то мне хотелось возвращаться в палату, особенно после слов Анфисы Петровны о моих соседках. Однако делать было нечего, и я, прижимая к себе новые вещи, снова взобралась на второй этаж, прошла узкий коридор и толкнула дверь с табличкой «5».

К моей радости, на меня больше никто не обратил внимания. Светка лежала на покрывале и лениво листала какую-то растрепанную книжонку, Марина, сидя в коляске, старательно расчесывала щеткой длинные волнистые волосы. Обе молчали.

На ближней к двери кровати сидела еще одна девчонка, с узеньким мышинным личиком и маленькими, испуганно бегающими глазками. В руках у нее был засаленный газетный кулек. Девочка вороватыми, суетливыми движениями доставала семечки, лузгала их с хрустом, а шелуху сплевывала в стакан, стоящий на тумбочке.

– Здравствуй, – поздоровалась я с ней. Она ничего не ответила, глянула затравленно и боязливо и снова полезла в кулек.

Мне вдруг стало до чертиков обидно, даже губы задрожали. Почему, за что они все сговорились против меня? Что я им такого сделала? Не виновата же я, что меня поселили в эту проклятую пятую палату!

Светка внезапно оторвалась от книжки, поглядела на меня и произнесла вполне миролюбиво:

– Да что ты с ней разговоры разговариваешь? Не видишь разве, она тю-тю, с приветом? Только и делает, что семечки свои трескает, аж за ушами хрустит.

Удивленная и ободренная столь неожиданно пришедшей поддержкой, я добралась до своей кровати и принялась расстилать ее. Мне пришла в голову спасительная мысль: может быть, черноволосая Светка не такая уж стервозина, если познакомиться с ней поближе. В конце концов, воспитательница вовсе не обязательно должна быть права в своих симпатиях и антипатиях. Вот и усатая инспекторша оказалась хорошим человеком, а выглядела сушей ведьмой.

– Ты что, спать собралась? – Светка смерила меня насмешливым взглядом и отложила книжку на тумбочку.

– Да, – простодушно подтвердила я, – мне велели лечь в постель.

– Кто велел? Анфиса? – Светка пренебрежительно фыркнула. – А ты и рада стараться. Спокойной ночи, малыши, да?

Я перестала разбирать кровать и устала на нее в недоумении.

– Разве можно не слушаться?

– Нужно, детка, – пропела Светка издевательски сладким тоном. – Нужно. Иначе так прижмут к ногтю, не вздохнешь. Вон как ее, – она кивнула на съезжившуюся на постели любительницу семечек.

Я растерянно молчала, потрясенная ее словами. Неужели добрая, рассудительная Анфиса Петровна может давить на воспитанников, желать им зла, относиться враждебно? Нет, ни за что.

– Что зыришь? – грубо поинтересовалась Светка. – Не веришь? У Маринки спроси. Скажи ей, Мариш! Вся правда! – Она взглянула на подругу с ожиданием.

Та перестала расчесываться, на лице у нее возникло странное, какое-то потустороннее выражение.

– Зачем ты, Свет, перестань, – проговорила она чуть слышно, с трудом шевеля губами.

– Нет, не перестану! – неожиданно громким, истерическим голосом выкрикнула вдруг та. – Не перестану! Не хочешь, я сама скажу. Все скажу! Как нас тут травят лекарствами, записывают в специальную тетрадь все прегрешения и потом докладывают Базарихе! А она потом...

– Све-ета! – протяжно, навзрыд перебила ее Марина. – Я прошу, не надо! Ну пожалуйста! – Левая щека ее задергалась, губы скривились, лицо стало белым и страшным, как у покойника.

Светка посмотрела на нее с тревогой и нехотя кивнула.

– Ладно. Не буду. Успокойся. – Она нервным, судорожным движением схватила с тумбочки книжку и нарочито сосредоточенно устала в нее.

Я постояла еще немного, не зная, как быть, затем все-таки расстелила кровать, разделась и залезла под одеяло. Девчонка с мышинным личиком доела семечки и тоже легла, подсунув под голову сложенные лодочкой ладони.

Светка читала. Маринка давно закончила причесываться и теперь сидела в коляске неподвижно, уставившись глазами в одну точку. Возможно, она так спала. Смотреть на нее было жутковато, и я отвернулась к стенке.

Вскоре веки мои начали тяжелеть и слипаться, я задремала.

Разбудили меня громкие голоса, о чем-то весело переговаривающиеся. Я вскочила на постели, ошалело глядя перед собой.

– Прошнулась, шоня! – произнес знакомый шепелявый голос.

Я обернулась: за столом сидел Влад, напротив него Светка. Сбоку пристроилась в коляске Маринка. Перед всеми троими лежало по кучке карт, а в середине стола красовалась колода с подсунутым под нее червонным королем. Как видно, компания дулась в «дурака».

– Ну ты и спать! – Влад улыбнулся своим щербатым ртом. – Два часа прошло. Поднимайся, пойдём в игровую.

– Не ходи, – тут же попросила его Светка. – Лучше еще сыграем.

– Нет, надоело. – Он вылез из-за стола.

Теперь, когда Влад был без куртки и шарфа, я увидела, что из-под рубашки у него выглядывают все те же «рыцарские доспехи», именуемые директрисой корсетом. Это меня обрадовало: значит, не одна я буду ходить как дура, закованная в гипс до кончиков ушей.

– Я пошел. – Влад направился к двери, на ходу бросив мне: – Давай быстрее.

Он вышел из комнаты. Я поспешно натягивала на себя вещи, боясь встретиться взглядом со Светкой, но все же мне пришлось это сделать. Она смотрела на меня в упор с нескрываемой ненавистью.

– Ну чего тормозишь? Беги, он же тебя ждет. – Она одним махом сгребла со стола карты.

– Погоди убирать, – остановила ее Маринка, – давай еще разок в «дурака».

– Ну давай. – Светка безнадежно махнула рукой и принялась сдавать.

Я крадучись вышла в коридор. Влад стоял возле нашей двери.

– Молодец, – обрадовался он, увидев меня, – не копаешься. Идем, покажу тебе нашу игровую.

Мы поднялись на третий этаж. Коридор там был гораздо просторнее, слева шли такие же палаты, пронумерованные цифрами, а справа на дверях красовались таблички: «Библиотека», «Кабинет музыки», «Изо».

Игровая находилась в самом конце коридора. Влад толкнул дверь, и мы очутились в небольшом уютном зальчике, заставленном стеллажами со всевозможными играми и игрушками. В центре зала в два ряда стояли столы. За ними сидела детвора и увлеченно сражалась в шашки и шахматы. Кое-кто читал, кто-то старательно вырезал фигурки из цветной бумаги. Вокруг царили тишина и спокойствие.

Влад остановился у ближнего к нам стеллажа.

– Умеешь в шахматы? – Он глянул на меня вопросительно.

Я помотала головой.

– А в шашки?

– Нет.

– Понятно. – Он улыбнулся и снял с полки здоровенную деревянную коробку, расчерченную на черно-белые квадраты. В ее брюхе что-то перекатывалась с глуховатым стуком. – Пойдем, научу. – Влад потянул меня за руку к столу. – Вот, гляди. Это доска. – Он раскрыл коробку и вывалил из нее на столешницу черные и белые деревянные кругляшки. – А это – шашки. Их ставят вот так, в два ряда. Видишь?

Я с любопытством следила, как руки Влада проворно и ловко расставляют кругляшки на черных клетках.

– Ты делай то же самое, но со своего края, – приказал он мне.

Я послушно принялась за работу. Вскоре кругляшки стояли строем друг напротив друга, точно две роты солдат перед боем, у меня белые, у Влада – черные.

– Отлично, – похвалил он. – Теперь нужно ходить. Нет, нет, не прямо, а по диагонали. Ну, наискосок, ясно?

– Ясно. – Я кивнула и двинула кругляшок навстречу противнику. Влад в ответ повел вперед свою шашку.

Пару ходов мы проделали молча, затем он перескочил своей шашкой через мою и произнес:

– Видишь, я тебя съел.

– И что теперь? – испугалась я.

– Да ничего. – Он усмехнулся. – Постарайся тоже съесть меня. Подумай, что лучше для этого сделать.

Я тупо смотрела на доску, ничего не соображая. Ясно, мне никогда не научиться этой диковинной игре. Да и вообще никакой, кроме «дурака» – в него-то мы резались с Макаровой почти каждый вечер.

Влад заметил мою растерянность и решительно смахнул шашки с доски.

– Ты чего? – удивленно проговорила я.

– Ничего. Заново начнем. – Он уже опять расставлял фигурки. – Твой ход. Давай.

Я несмело двинула шашку – ту же самую, что и в первый раз. Влад также повторил свой ход. Однако теперь я не просто переставляла шашки, а пыталась следить за действиями своего противника. В какой-то момент мне стало отчетливо видно, что одна из моих фигурок находится под угрозой, и я двинула вперед другую шашку.

– Молодец, – Влад одобритительно кивнул, – думал, не заметишь.

Мне стало весело, я почувствовала нечто вроде азарта.

Эту партию Влад у меня все равно выиграл, как и пять последующих. На шестой у нас вышла ничья, а седьмую он продул.

Лицо у него вытянулось, кончик носа забавно сморщился. Влад стал похож на сердитого взъерошенного воробья.

– Вот это да! – Он смотрел на меня одновременно с насмешкой и уважением. – А говорила «не умеет»!

– Я правда не умела, – пролепетала я. – Сейчас только научилась.

– Так я тебе и поверил, – Влад весело хмыкнул и начал заново расставлять шашки. – Еще хочешь?

– Хочу!

Я выиграла еще три партии.

– Все, хватит, – Влад шутливо поднял руки, – сдаюсь. В следующий раз буду учить тебя в шахматы. Думаю, получится. – Он собрал фигурки в коробку и закрыл крышку. Помолчал немного, потом спросил другим, серьезным тоном: – Как тебе у нас, нравится?

Этот вопрос мне сегодня уже задавали, и я отвечала на него утвердительно. Но сейчас вдруг вспомнила злую и ехидную физиономию Светки, пустые русалочьи глаза Маринки, их слова про Анфису Петровну, и мне стало до жути тоскливо и одиноко. На глаза сами собой навернулись слезы.

Все-таки, несмотря ни на что, я была домашним ребенком, и казенная атмосфера действовала на меня угнетающе.

– Чего ты? – обеспокоенно произнес Влад. – Может, болит что?

Я отчаянно замотала головой.

– По родителям скучаешь, – догадался он. – Так ты не реви, в воскресенье родительский день, они приедут, навещают тебя.

– А можно? – поинтересовалась я сквозь слезы, имея в виду вовсе не мать, а Макаровну.

– Конечно, – Влад пожал плечами. – Тут ко многим приезжают. Марина Ивановна отпускает хоть на целый день.

– И к тебе приедут?

Он коротко вздохнул и покачал головой:

– Ко мне – нет.

– Почему? – с ходу ляпнула я и тут же пожалела о своих словах.

Лицо Влада стало неподвижным, будто каменным, глаза сузились, подбородок напрягся.

– Некому приезжать, – произнес он коротко и жестко. – Мама и папа погибли.

Я смотрела на него во все глаза, ошеломленная услышанным. Надо было, наверное, что-то сказать, но я не знала, что, и потому трусливо молчала. Тогда Влад заговорил сам, тихо, спокойно, практически без эмоций:

– Это было два года назад. Мы с дачи возвращались. Наша «Волга» столкнулась с «КамАЗом». Там водитель выпивший был, уснул за рулем. Родителей сразу убило, на месте. А меня на асфальт выбросило. Руки, ноги целы остались, а вот позвоночник... – Он задумчиво потрогал выглядывающий из-под воротника корсет. – ...короче, перелом верхнего отдела. Полгода ходить не мог, потом потихоньку начал, сначала с палочкой, после так.

Я вспомнила, как резво он бежал за Светкой по «ручейковому» «коридору», и не поверила собственным ушам. Мне показалось странным, что Влад рассказывает обо всем с таким удивительным спокойствием. Мелькнула мысль: может, его родители были не такими уж хорошими, вроде моей матери.

И тут мой взгляд случайно упал на его руки: они сжимали коробку с шашками, давили на нее с такой силой, словно хотели проломить насквозь расчерченную на квадраты крышку.

Я поняла, что спокойствие Влада лишь внешнее, умело сыгранное, достигнутое невероятным напряжением воли. Мне стало стыдно за свои слезы, за то, что Влад пытается вести себя как взрослый, утешает меня, а я выставляюсь маленькой, беспомощной дурехой.

Я решительно шмыгнула носом и произнесла:

– Прости.

– За что? – не понял он.

– За глупые вопросы.

– Ты же не знала. – Влад расцепил руки и отодвинул от себя доску.

– Ты дружишь со Светкой? – вырвалось у меня неожиданно.

– Со Светкой? – Он глянул на меня с недоумением. – Да так. Можно сказать, дружу. А что?

– Ничего, – проговорила я тихо, сквозь зубы.

Влад усмехнулся.

– Понятно. Значит, не приняли они тебя. Так?

Меня точно прорвало. Я заговорила быстро, сбивчиво, проглатывая слова и с шумом втягивая в себя воздух:

– Она злая, твоя Светка, как собака. Как мать моя, понял? Такая же она! Вырастет, своего ребенка будет лупить стулом по спине!

– Тебя мать била стулом? – Влад внимательно заглянул мне в лицо, точно хотел проверить, на месте ли у меня рот, нос и глаза.

– И не только стулом, – почти выкрикнула я. – А Марина эта... она же сумасшедшая, у нее взгляд... ты видел, видел?

– Она не сумасшедшая, – тихо проговорил Влад, – а бывшая наркоманка.

– Как это?

– Так. Мать на игле сидела, еще до ее рождения. Та родилась приученная к наркоте, она у нее в крови плавала. Оттого и ходить не может. Ее потом забрали от матери, лечили в специальной больнице, да, видно, не до конца. Она уже здесь, в интернате, стала «колеса» глотать.

– Откуда в интернате «колеса»? – удивилась я.

– Светка приносит, – спокойно пояснил Влад. – У нее бабка в поселке неподалеку живет. Та будто бы навещать ее ходит, а сама водится со всякой шушерой. Ты права, Светка – злая. Но Маринку она любит как сестру, все для нее сделает. Анфиса ругается, отнимает таблетки, а они ее за это ненавидят.

...Я слушала Влада и постепенно прозревала. Вот, значит, почему Светка так относится к воспитательнице – та не дает ей пичкать Маринку наркотиками. Страшный человек Светка, и Анфиса это прекрасно знает. Оттого и нахмурилась, узнав, что я попала к ней в палату, обещала перевести оттуда при первой возможности...

– Эй, о чем задумалась? – Влад потеревил меня за плечо.

Я с трудом очнулась от своих мыслей.

– Да так, ни о чем.

Он улыбнулся.

– Чудная ты. Тебе есть надо побольше, поправляться.

– Анфиса Петровна тоже так сказала.

Влад кивнул одобрительно.

– Анфиса – тетка ничего, с понятием. Она таких, как ты, любит.

Я вспомнила сцену в кладовке и спросила:

– Ты не знаешь, кто такая Валюшка?

– Дочка ее. Она умерла, от рака, кажется.

Сердце у меня больно кольнуло.

– Когда?

– Давно. Анфиса еще в интернате не работала. Похоронила и пришла. Теперь вот с чужими нянчится. А тебе откуда известно про Валюшку-то? – Влад посмотрел на меня с удивлением.

– Анфиса сказала, будто я похожа на нее.

Он задумчиво качнул головой:

– Может быть. Она врать не будет.

8

Так началась моя новая жизнь. Я привыкла к ней на удивление быстро. Мне изготовили корсет. Носить его поначалу было тяжело, но потом я освоилась и даже время от времени переставала замечать на себе гипсовые латы. Марина Ивановна показала мне специальные упражнения, которые я должна была выполнять ежедневно, каждое утро, под присмотром Жанны или Анфисы Петровны.

Еще я ходила на массаж и ела поливитамины веселого ярко-оранжевого цвета в виде фигурок зверей.

В интернате мне нравилось день ото дня все больше. Я очень подружилась с Жанной, мы подолгу болтали с ней после завтрака, пока группы еще не выходили на прогулку. В какой-то мере молоденькая сестра-хозяйка заменила мне Макаровну – она так же, как и старуха, не делала скидок на мой возраст, общаясь на равных.

С Анфисой было несколько сложнее. Я отчего-то стеснялась ее, чувствовала себя скованно, несмотря на то что воспитательница неизменно говорила со мной ласковым и мягким голосом, поминутно интересовалась, как я себя чувствую, следила, чтобы в столовой я обязательно доедала до конца свою порцию, а то и подкладывала добавку.

Что-то стояло между нами – наверное, это была несчастная умершая Валюшка, которую я напоминала Анфисе Петровне и на которую отчаянно не хотела быть похожей.

В тайном неприятии воспитательницы я невольно объединилась с соседками по палате. Те упорно и молчаливо бойкотировали Анфису: не отвечали на ее обращения, не выполняли указаний, после отбоя, который был в половине десятого, продолжали болтать почти в полный голос, а иногда и ходить.

Это в основном касалось Светки и Маринки. Третья обитательница нашей палаты, тихая востролицая Людка, не имела к Анфисе личной неприязни, но безропотно подчинялась девочкам, заставляющим ее нарушать режим наравне с ними.

Она вызывала во мне смешанное чувство жалости и презрения: не имея Светкиного мужества хамить Анфисе в открытую, она вечно находилась между двух огней, пребывала в постоянном страхе. Ее мышьяная мордочка с крошечными полузакмуренными глазками выражала скорбь и ужас. Единственным Людкиным занятием в свободное время было хрумканье семечек – видно, оно хоть ненамного успокаивало ее, как ревущего малыша соска.

В отличие от Людки, я не собиралась полностью прогнуться под Светку, стараясь не обижать воспитательницу явно, а просто держать дистанцию.

Светка, конечно, чувствовала мою скрытую упертость, и ей она не нравилась. Очень не нравилась! Как и моя крепнувшая день ото дня дружба с Владом.

Второе, пожалуй, раздражало ее гораздо больше. Не знаю, почему Светка так бесилась. Стоило Владу появиться у нас в палате, на нее что-то находило. Она извергала на мою голову целые потоки грубых и язвительных ругательств, обзывала дурой, приютской крысой и другими столь же замечательными словами.

Влад и Маринка на пару пытались остановить ее, но заткнуть Светку было невозможно. Лицо ее в такие минуты пылало жарким румянцем, черные волосы в беспорядке падали на четко очерченный лоб, ноздри точеного носа хищно раздувались.

Она становилась необычайно красива, расхаживала по комнате взад-вперед, точно разъяренная тигрица по клетке, и говорила, говорила.

Однажды после ее ухода, оставшись наедине с Владом, я не выдержала и разревелась. Размазывая по щекам слезы, я приговаривала тонко и жалобно:

– Почему, ну почему она так меня ненавидит? Что я ей сделала?

Влад неловко топтался поодаль, не отвечая на мои отчаянные вопросы. Мне стало еще обидней и горше. Вот, значит, как – ему наплевать, что меня третируют, можно сказать, равняют с дерьмом! Кажется, он вообще считает в порядке вещей такое отношение к соседке по палате и однокашнице.

Я зарыдала пуще прежнего, уткнув мокрое лицо в ладони. Однако уши мои отлично улавливали все, что происходило в комнате. Я отчетливо различила несколько нерешительных осторожных шагов.

Влад подошел ко мне вплотную. Я даже почувствовала его дыхание на своей щеке. Затем на мое плечо легла его рука.

– Ну хватит уже, не плачь, – попросил он мягко. – Слышишь, не плачь!

В ответ я громко и жалобно всхлипнула.

– Это я виноват, – совсем тихо произнес Влад, – из-за меня все.

– Почему из-за тебя? – Я так удивилась, что разом перестала хлюпать, оторвала ладони от лица и уставилась на него.

Влад тут же уткнулся взглядом в свои ботинки.

– Почему? – повторила я нетерпеливо и дернула его за рукав.

– Ну, она... это... ревнует, – через силу выдавил он.

– Тебя?!

– Ну.

– Ко мне?!!

Влад ничего не ответил, но заметно покраснел.

Я не могла поверить в то, что он сказал. Как Светка может ревновать ко мне кого-то – с ее-то фигурой, роскошными волосами и матовой кожей, напоминающей подернутый пушком персик! По сравнению с ней я чувствовала себя облезлой кошкой.

В марте мне должно было исполниться одиннадцать, но я по-прежнему выглядела лет на восемь, максимум на девять. Светке недавно стукнуло двенадцать, грудь ее под свитерком приняла уже вполне заметные очертания, талия сузилась и построилась. Она, не обращая никакого внимания на Анфису, давно красила глаза и губы, душилась какими-то дешевыми, но сладко и вкусно пахнущими духами.

Словом, Светка была настоящая девушка, а я ручка от швабры – так она меня любила называть.

Я решила, что Влад просто болтает, чтобы меня утешить. Разговор больше не продолжался. Мне даже показалось, Влад жалеет о том, что сказал, и старается сменить тему.

Я успокоилась, мы ушли по каким-то делам, и о Светке я вспомнила лишь вечером, когда вернулась в палату.

– Ну ты, жертва аборта, говори, где шлялась? – такими словами она встретила меня, как всегда, развалившись на своей постели.

Я молча пересекла комнату и села за стол, строго-настрого приказав себе не отвечать ни слова. Однако та не унималась:

– Эй, как тебя там, почему не расскажешь о себе? Откуда ты такая к нам пожаловала? Из бомжатника?

Этот вопрос Светка задавала мне впервые. За привычной издевкой я уловила тщательно скрытый интерес и любопытство. Она пыталась вызвать меня на открытый конфликт, ее злило мое молчание.

Внезапно и я ощутила прилив злости. Мне вдруг страстно захотелось сцепиться со Светкой, ухватить ее за волосы и не отпускать до тех пор, пока из ее темных восточных глаз не брызнут слезы боли и беспомощности.

Конечно, в подобной схватке я едва ли вышла бы победительницей, но в тот момент в моей голове не осталось никаких разумных и сдерживающих мыслей. Я буквально клокотала от ярости, готовая броситься на свою обидчицу тот час же.

Кажется, Светка почувствовала исходящую от меня угрозу. На губах ее возникла недобрая улыбка. Она торжествовала, что сумела наконец-то выбить меня из колеи.

– Так где тебя нашли? Под забором? – Светка одну за другой вытянула красивые, мускулистые ноги на столе, прямо перед моим носом.

Я рывком вскочила.

– Замолчи!

– Ой, как страшно! – весело захохотала та. – А если не замолчу – что тогда?

– Получишь по шее, – просто сказала я.

– Да что ты говоришь? – изумилась она. – Ну давай, попробуй. Давай, давай, смелее. – Светка спустила ноги со стола и встала напротив меня. Весь ее вид выражал высшую степень уверенности и нахальства.

– Девочки, перестаньте, – подала свой тихий голос Маринка. – Не надо, пожалуйста.

– Дай я проучу ее, – запальчиво возразила Светка, – чтобы в другой раз было неповадно.

– Не надо, Светочка, снова будут проблемы. И так уже Базариха на тебя зуб имеет. Выгонят, отправят в детдом.

– Ха, в детдом! – браво хмыкнула Светка, но пыл ее заметно поугас. – Чего мне в детдом, когда у меня жилплощадь имеется. Бабка дом на меня записала, скоро помрет, я в нем полная хозяйка буду.

– Да ты ж не одна там прописана, – рассудительно заметила Маринка, – вдруг мать явится, что тогда?

– Мать? – Светка беспечно усмехнулась. – Не явится. Она уже лет восемь как у хахалей своих проживает, те ее и кормят, и поят. А собственное чадо ей на фиг не нужно.

Светка говорила спокойно, в ее словах не чувствовалось боли. Видно, она давно привыкла считать себя самостоятельной и даже наслаждалась ранней взрослостью.

В своей бравате Светка как-то даже позабыла о нашем конфликте – с лица ее сошло выражение угрозы, скулы перестали напрягаться, глаза – воинственно шуриться.

Мы по-прежнему стояли нос к носу, готовые к стычке, но между нами уже не было заряда ненависти, как минуту назад.

Первой окончательно остыла Светка.

– Чего вылупилась? – Она криво улыбнулась и плюхнулась обратно на постель. – Радуйся, я сегодня добрая. Да и Маришке спасибо не забудь сказать.

– Не буду я никому говорить спасибо, – тихо, но твердо произнесла я, ожидая, что Светка тотчас же вскочит. Но той, видно, было лень, а может, и боязно – она пошарила под подушкой, вынула оттуда жестяную коробочку из-под леденцов, служившую ей косметичкой, раскрыла ее и принялась сосредоточенно подводить губы ярко-красной помадой, начисто забыв о моем существовании.

С этого дня Светкина агрессия в мой адрес немного поубавилась, но я знала: она продолжает люто ненавидеть меня, затаившись, ожидая подходящего момента, чтобы нанести сокрушительный удар.

9

Легко научившись носить неудобный, сковывающий тело корсет, я с величайшим трудом постигала обыкновенную школьную учебу.

Шофер Геннадий Георгиевич не врал, когда говорил, что в интернате свои собственные педагоги. Это действительно было так: воспитанники занимались прямо в интернате, в специально оборудованных классах, где парты и стулья заменяли стоячие конторки – с травмами позвоночника нельзя было долго находиться в сидячем положении.

Впервые я посетила класс примерно через неделю после своего поступления в интернат. Шел урок русского языка.

В комнате занималось сразу два класса, третий и четвертый, в каждом было человек по десять, не больше – число интернатских воспитанников не превышало сотню.

Третьеклассники располагались в левом ряду, четвероклассники в правом. Доска тоже разделялась надвое: слева было написано одно задание, справа другое. Посередине класса ходила молодая симпатичная учительница и поглядывала попеременно в каждую тетрадку.

Узнав, сколько мне лет, она отправила меня в правый ряд, как раз в тот, где находился Влад. Я тупо глядела на доску и не понимала ровным счетом ничего. Читать я умела благодаря Макаровне, давным-давно научившей меня складывать буквы в слоги. Но вот все остальное...

Из своего недолгого опыта учебы в первом классе я смутно помнила про существительные и прилагательные, этим мои знания и ограничивались.

Минут пять я провела в созерцании написанного на доске задания, покусывая кончик выданной мне шариковой ручки. Влад, почувствовавший, что дело неладно, обернулся со своей парты-конторки и попытался было что-то втолковать мне, но тут подоспела учительница.

– Сушкин, смотри в свою тетрадь, – посоветовала она, – мы с Василисой сами разберемся. Верно?

Я вяло кивнула.

– Что тебе не ясно? – с улыбкой спросила русичка.

– Все.

Столь лаконичный ответ ее немного обескуражил.

– Как это «все»? – не поверила она. – Например, «подчеркнуть подлежащее и сказуемое» – разве это так сложно? Вы что, не проходили этого в школе?

– Я... не ходила в школу, – еле слышно пробормотала я.

– Не ходила? – вконец растерялась учительница. – Но... как же? – Она поняла, что сказала лишнее, залилась румянцем и принялась суматошно и сбивчиво объяснять: – Вот, смотри. Главные члены предложения отвечают на вопросы «кто, что?» и «что делает, что сделал?». Ясно?

– Да.

– Тогда задавай вопросы.

Я молчала, уставившись взглядом в столешницу конторки, местами выщербленную и покрытую трещинками.

Русичка предприняла еще одну попытку, окончившуюся с тем же успехом. Класс постепенно оживал, послышался громкий шепот, приглушенный смех, над рядами пролетел комочек жеваной бумаги.

– Вот что, – учительница беспомощно обернулась, – сейчас мне нужно вести урок. Давай я позанимаюсь с тобой отдельно, после всех. Хорошо?

– Хорошо, – согласилась я.

Когда она отошла, снова обернулся Влад.

– Ты чего? Расстроилась? – Он беззубо улыбнулся.

– Да так, – призналась я.

– Ерунда! – Он уверенно махнул рукой. – Какой-то там русский язык! Нагонишь. Вот с математикой будет сложнее.

С математикой действительно оказалось сложнее, хотя и русский отныне стал для меня непостижимой задачей. Учителя занимались со мной отдельно, оставляя в классе после уроков, в свободное время я пыталась упражняться сама с помощью Влада и Жанны, – но все было безуспешно.

Иногда от сознания собственной тупости и никчемности я готова была залезть на стенку. Просидев над очередным примером сорок минут и так и не решив его, я хватала тетрадь и со всего маху швыряла ее на пол. Мне страстно хотелось растоптать тетрадь ногами, оставить от нее мелкие клочки, я еле сдерживалась.

В таких случаях Влад, неизменно находящийся поблизости, нагибался, как ни в чем не бывало поднимал тетрадку, бережно расправлял замявшиеся листы и клал ее обратно на стол. При этом он ничего не говорил, только осуждающе качал головой.

Мне тут же становилось стыдно, я углублялась в злополучный пример и честно корпела над ним еще полчаса, пока сжалившийся надо мной Влад не решал его за меня от начала до конца.

Иногда за моими мытарствами наблюдала Анфиса. Она подходила, тихонько ступая, и подолгу стояла за спиной, глядя через мое плечо в тетрадный лист. Потом так же тихо отходила прочь, никак не комментируя происходящее.

Так продолжалось примерно с месяц, пока однажды не случилось чудо.

Шел урок математики. Вел его любимый всеми Герман Львович, высокий, плечистый добродушный дядечка с круглой блестящей лысиной, которую он время от времени любил протирать аккуратно сложенным вдвое носовым платочком.

Весь четвертый класс решал уравнения, в то время как я заучивала таблицу умножения на восемь и девять. Уравнения для меня были китайской премудростью, и потому учитель решил загрузить меня посильным заданием, чтобы я не тратила время впустую и вынесла из урока хоть что-нибудь полезное.

Зажмурившись, чтобы не отвлекаться, я старательно твердила про себя: «Восемью семь – пятьдесят шесть, восьмью восемь – шестьдесят четыре, восьмью девять...»

Тут я неизменно сбивалась и начинала заново.

Так пролетел почти весь урок. В конце Герман Львович предложил решить ребятам интересную задачу.

– Она немного сложнее обыкновенного материала, – предупредил он и начал писать на доске условие: – Из пункта «А» в пункт «Б» выехал скорый поезд. А из пункта «Б» в пункт «А» навстречу ему выехал другой поезд, товарный. Скорость пассажирского поезда сто километров в час, товарного – в полтора раза меньше. Оба поезда встретились в некой точке «Икс». – Герман Львович, хитро прищурившись, обвел взглядом класс. – Вопрос: какой из поездов находится ближе к пункту «А» в момент встречи?

Мгновение в комнате царил тишина. Потом отличница Галя Сидоренко подняла руку и, не дождавшись разрешения говорить, произнесла:

– Вашу задачу нельзя решить.

– Почему? – удивился Герман Львович.

– Условий недостаточно. Вы сказали нам только скорости поездов, а нужно еще время, затраченное на путь, и само расстояние между пунктами.

– Ошибаешься, – спокойно проговорил математик и промокнул платком розовую лысину, – ничего этого не нужно.

– Тогда я не знаю, – обиделась Галя.

– Кто знает? – спросил Герман Львович.

Ребята молчали. Я видела, как впереди меня Влад что-то быстро чертит на листке бумаги. Точка, над ней буква «А», еще одна точка – пункт «Б». Между ними – прямая линия.

Я как зачарованная смотрела через его плечо, позабыв об опостылевшей таблице умножения. Мне казалось, я вижу этот пункт «А» – большой, красивый, светящийся разноцветными огнями город. Вот из него выезжает поезд, длинный, как змея, чистенький, с аккуратными белыми шторками на окнах – такой я видела по телевизору в каком-то заграничном фильме.

Поезд оглушительно свистит, набирая ход. Вот он уже мчится на всех парах мимо лесов и полей, то взбираясь вверх по пригорками, то стрелой падая вниз, к берегам рек. А навстречу ему несется до предела груженный товарняк. Машинисты глядят в лобовое стекло, видят друг друга, они готовы посигналить в знак приветствия. А расстояние до пункта «А»... Расстояние... Стоп!

От неожиданной, молниеносной догадки я даже выронила ручку. Та с шумом покатила под конторку, но я не стала ее поднимать.

Я села, ошеломленная собственным прозрением. Расстояние до пункта «А» должно быть одинаковым у обоих поездов, ведь они находятся в одной и той же точке «Икс»!

Я несмело подняла руку. Герман Львович поглядел на меня с недовольством.

– Что тебе, Демина? Шумишь, отвлекаешь ребят.

– Герман Львович, я знаю ответ.

– Ты? – Он уставился на меня внимательно и недоверчиво. – Ну, говори.

– Оба поезда на одинаковом расстоянии, на том же, на котором находится от пункта «А» точка «Икс».

Я выпалила это и замолчала, не отрывая глаз от математика. Тот в свою очередь глядел на меня с изумлением.

– Верно. – Он положил на стол кусочек мела. – Правильно. Вы слышите, дети? Демина ответила совершенно правильно! Ай да молодец! – Герман Львович пошел ко мне навстречу, на ходу протягивая руки, будто собираясь обнять. – Какая молодец! Никто не смог, а ты сообразила. Вот вам и тихая мышка.

На меня тут же обратилось двадцать пар глаз. Кто-то глядел с завистью, кто-то с нескрываемым восхищением, кто-то с обыкновенным любопытством. Я почувствовала, как щеки и лоб заливают жар.

Мне было и неловко, и чрезвычайно приятно. Герман Львович дружески похлопал меня по плечу, и тут раздался звонок.

На перемене только и разговору было, что о коварной задачке и моих невесте откуда взявшихся способностях. Не участвовала в общем обсуждении лишь отличница Галя – она стояла у окна, капризно надув губки, и что-то чертила пальцем на стекле.

Больше всех моему успеху радовался Влад.

– Вот видишь, – говорил он, наклоняясь к моему уху, – математика – самый сложный предмет, а у тебя все выходит. Значит, и с другими уроками тоже наладится.

Я слушала его, и впервые мне не хотелось возражать. Я действительно поверила, что смогу нормально учиться, понимать то, что объясняет преподаватель, решать примеры и задачи не хуже Гали, а может, даже лучше.

В конце учебного дня в коридоре меня поймала Анфиса. Вид у нее был взволнованный, бледные щеки слегка порозовели, в глазах появился блеск.

– Ну, умница, – она загородила мне дорогу, обняла и поцеловала в макушку, – я знала, всегда знала, что в этой головке водятся мозги. И какие мозги! Мне ведь Герман Львович все рассказал. Старайся, Василиса, ты еще сама не знаешь, на что способна.

Почему-то в этот момент я не почувствовала привычного стеснения и желания убежать от воспитательницы, как это бывало всегда, когда она проявляла ко мне повышенное внима-

ние. Наоборот, мне вдруг остро захотелось прижаться к ее мягкому боку, уткнуться лицом в колючую вязаную кофту и так стоять долго-долго, ничего не говоря и не двигаясь.

Однако сделать это я не рискнула, лишь на мгновение коснулась кончиками пальцев ее теплой ладони. Та сразу же уловила мой жест и судорожно, прерывисто вздохнула, как тогда в кладовке. Потом быстрым движением оправила воротник на моем платье и молча пошла вперед по коридору.

Вечером того же дня произошло еще одно чудо – я обнаружила, что знаю-таки залятую таблицу умножения на восемь. Да еще как – она просто от зубов отпрыгивала.

Влад, которому я продемонстрировала свое достижение, раскрыл рот от удивления: я сыпала числами почти без перерыва, замолкая лишь, чтобы набрать в легкие новую порцию воздуха.

Наконец, когда я закончила, он решительно заявил:

– Василиска, да ты просто гениальная. Может, притворялась до сих пор, а?

– Я не притворялась.

Он задумчиво почесал в затылке, помолчал, а потом произнес многозначительно:

– Точно, как тогда с шашками.

Я поняла, что он имеет в виду нашу с ним знаменательную игру в первый день в интернате – тогда, начав с поражения, я окончила блестящими победами.

– Анфиса права, – твердо проговорил Влад, – в тебе действительно есть что-то... странное, необъяснимое. Ты мыслишь не так, как другие, а по-своему. Знаешь, на что это похоже? Будто долго долбили стену, она все не поддавалась, не поддавалась, а затем вдруг рухнула разом. Вся, до последнего кирпичика.

Я вдруг подумала о том, что в моих снах часто произносила совершенно незнакомые и непонятные слова, так легко и уверенно, словно пользовалась ими постоянно. Значит, где-то глубоко в моем подсознании была запрятана некая кладовая знаний, которыми я по неумению до поры до времени не могла воспользоваться?

Эта мысль поразила меня до глубины души.

– Эй, что с тобой? – окликнул Влад. – Ты как будто спишь.

– Я не сплю. – Я смотрела на него пристально, не мигая. – Я... я хочу тебе рассказать кое о чем.

– Давай, – он уставился на меня с любопытством.

– Влад, понимаешь, как бы это тебе объяснить? В общем... я... вижу сны!

Он пренебрежительно хмыкнул.

– Подумаешь, невидаль! Я тоже их вижу. Почти каждую ночь.

– Но тебе ведь снится то, что знакомо? Да? Те люди, которых ты когда-то видел, предметы, которые трогал руками. Так?

Он немного растерялся.

– Ну, наверное, так.

– А я вижу совсем незнакомых людей. И даже говорю на каком-то чужом языке.

– На английском? – оживился Влад.

– Не знаю. Может быть. А может, и нет. – Я почувствовала, что устала объяснять то, что объяснить невозможно, можно только догадываться. Влад все равно мне не поверит. И никто не поверит. Никто.

– Слушай, – миролюбиво произнес он, глядя на мою пасмурную физиономию, – хватит об этом. Видишь свои сны, и ладно. При чем здесь задача про поезд и таблица умножения?

– Ты прав, – я решительно кивнула, – ни при чем. Пойдем лучше сыграем в шашки.

10

С того памятного дня в моей учебе произошли коренные перемены. Это походило на снежный ком: каждое утро я обнаруживала, что каким-то неведомым образом знаю то, чего еще вчера совершенно не могла понять.

Пошел и русский язык, и математика, я стала запоем читать книги – все подряд, в том порядке, в каком они стояли на полках интернатской библиотеки. Библиотекарша Диночка, едва завидев меня на пороге, всплескивала руками:

– Опять пришла! Ты ж только третьего дня была! Неужто прочла?

Я горделиво кивала и протягивала ей прочитанную от корки до корки книгу.

Диночка доставала мой формуляр, вытаскивала оттуда квиток, вставляла в бумажный кармашек, ставила книгу на полку. Затем снимала новую и торжественно вручала ее мне:

– Держи, Ломоносов ты наш!

Я тащила книгу в палату, под презрительным и завистливым взглядом Светки устраивалась на кровати и с вожделием открывала первую страницу.

Я и представить себе не могла, что на свете существует множество интереснейших и захватывающих историй. До сей поры все прочитанное мной ограничивалось «Золушкой», «Красной Шапочкой» да парой русских народных сказок. А тут я окунулась в мир придворных интриг, вместе с мушкетерами спасала честь королевы, опускалась на дно океана на чудесном корабле «Наутилусе», затаив дыхание следила, как отважные герои Джека Лондона покоряют бескрайние просторы сурового Севера.

Влад затащил меня в театральный кружок, который по совместительству вела наша русичка. Там мы ставили какую-то пьесу из жизни греческих богов. Преподавательница принесла из дому несколько толстенных томов энциклопедии по мировой художественной культуре, и мы с интересом и любопытством разглядывали изображенных на картинках античных красавцев и красавиц с безупречными профилями и горделивой осанкой.

Подражать им было трудно, особенно нам, крепко закованным в гипсовые и пластмассовые корсеты. Но мы не унывали. Учили свой текст, мастерили светлые греческие хитоны из старых простыней, милостиво отданных Жанной на растерзание, и готовились поразить зрителей премьерой.

Наладились и мои отношения с Анфисой: я больше не чуралась ее и вообще стала значительно смелее и раскованнее, чувствуя себя всеобщей любимицей.

Незаметно проскочила зима. С широкого навеса над интернатским крыльцом потекли гладкие прозрачные сосульки, похожие на фруктовые леденцы. Во двор прилетели мокрые черные галки. Мы перестали кататься на санках и лепить снежных баб.

Приближался мой день рождения. За минувшие одиннадцать лет я справляла его лишь однажды – тогда мне исполнилось шесть. К Макаровне приехала из деревни ее сестра, до ужаса похожая на нее, такая же худенькая и неприметная, с добрыми, жалостливыми глазами.

Обе старухи весь день стояли у плиты, а вечером взяли меня у родителей и усадили за стол. На вышитой скатерти стояло большое круглое блюдо с ароматно пахнущим пирогом. На румяной корочке запеклась какая-то кудрявая завитушка – мне объяснили, что это цифра «шесть».

Макаровна и ее сестра наперебой угощали меня клубничным вареньем, шоколадными конфетами с мягкой белой начинкой и даже дали попробовать домашней наливки темно-бордового, почти черного, цвета.

Выпив крошечную рюмочку, я моментально уснула на стареньком диванчике Макаровны, покрытом пушистым зеленоватым пледом. А когда проснулась, мы с ней были одни – ее сестра уже успела уехать.

Через полгода она умерла, и Макаровна, серая от слез, надолго уезжала из Москвы – хоронить единственное на свете родное существо.

Больше такого праздника в моей жизни не было, хоть Макаровна не забывала про мой день рождения и старалась в этот день испечь что-нибудь вкусненькое. Мать, однако, ревностно следила, чтобы я не засиживалась у соседки, и, словно назло, придумывала трудновыполнимые задания...

Но сейчас все было совершенно иначе. Примерно за неделю до моего дня рожденья Анфиса сообщила, что хочет отпраздновать его всем интернатом. Это не было чем-то сверхъестественным, там существовала традиция отмечать дни рождения воспитанников.

Обычно собирались в столовой, повараха тетя Катя готовила праздничный ужин, все хором поздравляли именинника, желали ему скорейшего выздоровления и дарили подарок, как правило, красиво оформленную книгу, настольную игру или мягкую игрушку.

Всю неделю в предвкушении торжества я ходила в приподнятом настроении. От Влада по секрету я узнала, что готовят мне в подарок – Анфиса специально съездила в райцентр и купила том энциклопедии, той самой, что приносила на репетиции русичка. Именно о таком я мечтала с тех пор, как увидела его.

Не радовало меня лишь то, что в числе гостей будет и Светка, но выбирать не приходилось: интернатский порядок велел приглашать на праздник всех желающих. Глупо было думать, что Светка, при всей ее нелюбви ко мне, откажется от порции тети-Катиного торта со взбитыми сливками и шоколадной крошкой, а также от восхитительного вишневого желе.

Накануне праздника Влад вдруг стал жаловаться на головную боль. Это было так непохоже на него – обычно он всегда пребывал в бодром состоянии и ни разу не болел даже захудалым насморком. Анфиса потрогала лоб, нашла его горячим и отправила прямиком к Марине Ивановне.

Я караулила под дверью ее кабинета: мне вовсе не улыбалась мысль, что Влад будет отсутствовать на празднике.

Осмотр что-то затягивался. Прошло минут семь, а Влад все не появлялся из кабинета главврача. Наконец дверь распахнулась, и на пороге возникла Марина Ивановна.

– Поздравляю, – проговорила она, окидывая меня сочувственным взглядом. – У твоего приятеля ветряная оспа.

– Это что? – с испугом спросила я, пытаюсь заглянуть через ее плечо в кабинет.

– Ветрянка, – пояснила врачиха, – когда прыщики зеленкой мажут.

– И что теперь? – произнесла я упавшим голосом.

– Карантин десять дней. А для тех, кто был с ним в контакте, то есть для тебя, двадцать один. – Она глянула на мою убитую физиономию и немного смягчилась: – Да ладно, не бойся. Твой день рождения никто отменять не собирается, все равно ветрянки вам теперь не избежать. Вот только Владика я оставлю в изоляторе, у него температура высокая и сыпь скачет.

– Но хоть поговорить-то с ним можно? – без особой надежды поинтересовалась я.

– Завтра поговоришь. Ему станет лучше, я думаю. Заскочишь вечером на пять минут, не больше. Понятно?

Я кивнула. Спорить с Мариной Ивановной никто не осмеливался, даже персонал интерната испытывал к ней почтительную робость, а уж про воспитанников и говорить не приходилось.

В свою палату я плелась понуриив голову. Настроение было безнадежно испорчено. Не грела даже мысль о долгожданной энциклопедии.

– А ну, поберегись! – весело гаркнул кто-то у меня за спиной. Я вздрогнула, обернулась и увидела шофера Геннадия Георгиевича. Он обеими руками толкал вперед пустую инвалидную коляску.

– А, старая знакомая! – Широкое круглое лицо шофера расплылось в приветливой улыбке. – Как жизнь?

– Нормально. – Я пожала плечами и посторонилась, пропуская его на лестницу.

– Вижу, что нормально. – Геннадий Георгиевич подмигнул и установил коляску колесами на желобки. – Личность-то у тебя порозовела, не такая зеленая, как прежде. Кажись, и поправилась малек. Вырастешь, красавицей станешь, как пить дать – я не вру. У меня на женскую внешность глаз наметанный. – Он захохотал, довольный своей остротой, и покатил коляску наверх. Достигнув площадки между лестничными пролетами, Геннадий Георгиевич остановился, поправил выползшую из штанов рубашку и пояснил со вздохом: – Вот, новенького вам привез. А это ему транспорт. Вишь, как худо людям бывает, а ты еще куксилась. Ладно, расти большой, не будь лапшой. – С этими словами он быстро двинулся дальше и вскоре скрылся из виду.

Я немного постояла внизу, вспоминая, как собиралась сбежать из больницы на вокзал. Какое счастье, что меня тогда сморил сон и я не успела осуществить свой дурацкий замысел! Жутко даже представить себе, что я не попала бы в интернат, не получила возможность нормально учиться, не встретила таких людей, как Анфиса и Влад.

Я решительно начала подниматься по лестнице. Ничего, что Влад заболел. Скоро он поправится, и мы снова будем вместе. Болтать о всякой смешной чепухе, играть в шашки, сообщая листать энциклопедию по истории искусств...

Утро следующего дня началось с приятного сюрприза. Проснувшись, я обнаружила рядом с кроватью, на спинке стула новое платье. Это, конечно, Анфиса, ее проделки.

Светка сидела в постели, откинувшись на подушку, и буравила меня злобным взглядом.

– Почему это некоторым так везет? – проговорила она нарочито громко, выразительно поглядывая на платье. – Терпеть не могу любимчиков, так и тянет сделать им какую-нибудь пакость. Даже в день рождения. – Светка по-кошачьи сладко потянулась и мягко спрыгнула на пол.

Я поняла, что это и есть первое поздравление с моим одиннадцатилетием. Что ж, пришлось его принять и сделать вид, что меня нисколько не расстраивают Светкины слова.

Платье оказалось точь-в-точь впору, и я вспомнила, как неделю назад Анфиса старательно обмерила меня с головы до пят. Значит, вот для чего она так трудилась – чтобы сшить мне обновку ко дню рождения!

Я с нежностью погладила ладонью оборочки на груди и, стараясь игнорировать колкие и язвительные Светкины замечания, принялась за утреннюю уборку.

Анфиса встретила меня уже в столовой. Я сначала даже не узнала ее: она вся как-то преобразилась, по-новому уложила волосы, надела нарядную блузку и, кажется, слегка накрасила тонкие, всегда плотно сжатые губы неяркой кремовой помадой.

– Тебе хорошо, – одобрительно кивнула она, оглядывая ладно сидящее на мне платье. – Молодец, что сразу надела. Нравится?

– Очень, – честно призналась я, – спасибо.

– Не за что. – Анфиса улыбнулась. – Носи на здоровье. А главное, не болей и учись на «отлично». На прошлой неделе у нас был педсовет, и решено наградить тебя грамотой.

– Какой еще грамотой? – не поняла я.

– За успехи в учебе и активное участие в общественной жизни интерната. Ты ведь теперь наша гордость, об этом все учителя говорят. Так что уж давай, не подводи.

Она говорила и получала видимое удовольствие от своих слов. Может, когда-то давно она беседовала так со своей дочкой, радуясь ее школьным успехам и гордясь за нее.

Мне захотелось сказать ей в ответ что-нибудь очень ласковое и теплое, но почему-то все нужные слова застряли в горле, и я молчала, старательно отводя глаза в сторону.

– Ну, иди кушай. – Анфиса мягко тронула меня за плечо. – Иди. Вечером будем праздновать.

Я послушно уселась за стол. Она, скрестив руки на груди, некоторое время наблюдала за тем, как я ем, потом, неслышно ступая, отошла в сторону.

После завтрака я, не дожидаясь вечера, решила навестить Влада, однако медсестра Леночка сказала, что он спит и будить его категорически нельзя.

Время в его отсутствие тянулось ужасно медленно. Я слонялась по интернату, не зная, чем заняться – мой день рождения пришелся на воскресенье, и школьных занятий не было.

Гулять мне не хотелось – на дворе было слишком мокро и склякотно. Не желая сидеть в палате в обществе Светки и Маринки, я полтора часа проторчала в библиотеке, потом навязалась в помощницы Жанне, пересчитывающей партию полученного из прачечной белья, и наконец спустилась проведать своего тезку, трехцветного Ваську.

После Влада тот был моим лучшим другом. Он тут же узнал меня, вскочил со своего коврика, выгнул колесом рыжеватого-серую спинку и громко, требовательно мяукнул.

Я дала ему сосиску, оставшуюся с обеда, и он тотчас вонзил в нее острые желтоватые клычки.

Мимо прошмыгнула Людка с вечным пакетиком семечек в руках. Глянула на меня тревожно и пристально, словно желая сказать что-то важное, но, так и не раскрыв рта, скрылась в боковом коридоре.

Я знала, куда она пошла: в кладовку, реветь. Людка часто бегала туда – кладовщица тетя Таня приходилась ей дальней родственницей. Она и снабжала троюродную племянницу семечками, с молчаливым сочувствием выслушивая Людкины жалобы на невыносимое житье-бытье в соседстве со злой Светкой.

Мне в очередной раз стало жалко Людку, но, как всегда, жалость эта была смешана с презрением и легкой брезгливостью.

Васька тем временем доел сосиску и смотрел на меня вопросительно и с ожиданием: мол, еще что-нибудь дашь или хорошенького понемножку?

– Я еще приду, Вася, – пообещала я, почесывая пушистую шерстку за его ухом. – Обязательно приду. Попозже, после ужина.

Наконец наступили долгожданные шесть часов. Столовая наполнилась народом. На столах уже стояли вазочки с желе, дежурные разносили подносы с чашками.

Потом включили проигрыватель, и на всю громкость грянуло «К сожаленью, день рожденья только раз в году». Под общие аплодисменты тетя Катя вынесла огромный торт, весь в кипенно-белой пене взбитых сливок. На нем красовалось одиннадцать тоненьких разноцветных свечек.

Анфиса чиркнула спичкой – один за другим загорелись крошечные огоньки.

– Василиса, иди задувай, – позвала она.

Я, затаив дыхание, приблизилась к воспитательскому столу, на котором стоял торт.

– Дуй! – велела Анфиса.

Я набрала в легкие побольше воздуха.

– Погоди-ка, – вдруг крикнула Жанна, – надо не так! Ты желание загадала? – Она пристально глянула мне в лицо.

Я помотала головой:

– Нет.

– А нужно загадывать. Если с трех раз задуешь все свечки, оно непременно сбудется. И очень скоро. У тебя есть желание?

Я заколебалась.

– У кого ж их нет? – добродушно проговорила тетя Катя. – Дочка, загадай, чтоб спина поправилась, и дело с концом.

– Да не торопите вы ее, – с досадой молвила Жанна. – Спину-то ей и так вылечат, зачем еще она здесь? А желание должно быть самым что ни на есть заветным. Ты поняла, Василиса?

– Да.

– Тогда я считаю до трех, – ее глаза весело сверкнули. – Один...

«...Быть богатой... – мелькнуло у меня в голове и тут же сменилось новой мыслью: – Выйти замуж и поехать за границу...»

Не то, все не то. Я чувствовала, что хочу не этого, но чего именно, понять не могла.

– Два, – звонко сказала Жанна.

«Чтобы вот сейчас, прямо сейчас, Влад вышел из изолятора и появился здесь, в столовой!» Нет, это и вовсе глупо. Откуда он появится тут, если у него карантин?

– Три! – произнесла Жанна громким шепотом.

Я зажмурилась и выпалила про себя:

«Хочу разгадать свои сны!»

Потом я дунула. Раз, другой. Свечки погасли, все, кроме одной. Она продолжала гореть, нежно-голубая, в белой пластмассовой подставке, воткнутая в самую сердцевину торта.

– Давай сильнее! – подсказала Жанна.

Я дунула в третий раз. Легкое оранжевое пламя заколебалось и пропало, оставив еле заметный глазу беловатый дымок.

Вокруг захлопали и закричали: «Поздравляем!»

Я вдруг ощутила легкое головокружение. Перед глазами поплыла странная рябь. Сквозь нее я видела улыбающееся лицо Анфисы. Она протягивала мне толстую книгу в яркой, глянцевой обложке.

Точно во сне, я услышала ее голос:

– Держи, это подарок. Тут про античных богов – ты ведь хотела.

Кажется, я пробормотала слова благодарности.

Потом мы сидели за столиками, пили чай, ели желе и слизывали сливки с кусочков торта. Напротив меня сидела Светка и шептала что-то на ухо Маринке. Та медленно кивала, а ее прозрачные глаза, как всегда, смотрели в неведомую даль.

За соседним столом громко хохотала Жанна. Щеки ее разгорелись, глаза блестели. К ее плечу уютно привалился Геннадий Георгиевич, рядом, обнявшись, о чем-то тихонько беседовали тетя Катя и Анфиса. На скатерти стояла полупустая бутылка красного.

Мне стало душно и скучно. Я потихоньку отодвинула стул и встала. Светка тут же навестила уши:

– Куда это ты?

– В туалет.

– Чаю перепила? – насмешливо констатировала она. – Ясно. Смотри не утони.

Я, ничего не ответив ей, на цыпочках вышла из столовой в пустой коридор. Постояла в раздумье, куда податься, а затем спустилась в медпункт.

За матовым дверным стеклом было темно. Я осторожно заглянула вовнутрь – тишина, ни звука. И свет не горит. Значит, Влад по-прежнему спит.

Вздыхнув, я побрела наверх и остановилась перед дверью столовой. Оттуда доносились громкие возбужденные голоса, веселая музыка и смех.

Я подумала, что Светка наверняка ждет моего возвращения, чтобы сказать очередную гадость, и мне стало совсем тоскливо.

«Не пойду, – решила я, – лучше в палате посижу. Все равно никто, кроме Светки, не заметит – Анфиса и Жанна пьяные».

Однако вместо того, чтобы повернуть вправо по коридору, я вдруг, сама не знаю почему, двинулась обратно на лестницу. Прошла восемь ступенек, затем еще восемь и очутилась на третьем этаже.

Здесь, как и в медпункте, было темно, коридор освещала одна-единственная аварийная лампочка. Я толкнула дверь библиотеки – она оказалась заперта.

Бродить тут в пустоте и полумраке было совершенно бессмысленным занятием, и я уже хотела спуститься обратно, на свой этаж, как вдруг заметила, что дверь одной из палат на противоположной стороне коридора слегка приоткрыта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.